Ленин

ПОБЕДА КАДЕТОВ

и задачи

РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД126
П816

3044
329
Л-45

Книгоиздательство „НАША МЫСЛЬ“.
Спб., Литейный пр., 60, кв. 9.

Н. Ленинъ.

ПОБѢДА КАДЕТОВЪ
И
ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

II 491.

Цѣна 30 коп.

Н. Ленинъ.

Побѣда кадетовъ и задачи рабочей партіи.

Цѣна 30 коп.

1882 К
ЕД126
П816
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2010
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
1200
28
101456

Типографія О. И. Пастора, Литейный, 60.

I.

Побѣды кадетовъ вскружили голову нашей либеральной печати. Кадеты объединили въ выборной кампаніи всѣхъ или почти всѣхъ либераловъ вокругъ себя. Газеты, не принадлежавшія дотолѣ къ кадетской партіи, фактически сдѣлались органами этой партіи. Либеральная печать ликуетъ. Со всѣхъ сторонъ несутся побѣдные клики и угрозы по адресу правительства. Къ этимъ кликамъ — обстоятельство, въ высокой степени характерное,—постоянно примѣшиваются то злорадныя, то снисходительныя выходки по адресу соціальдемократовъ.

— Смотрите, какую ошибку вы сдѣлали, отказавшись отъ участія въ выборахъ! Вы видите теперь? Вы признаете ошибку? Вы оцѣниваете теперь совѣты мудраго и дальновиднаго Плеханова? — такія и подобныя имъ рѣчи слышатся со страницъ захлебывающейся отъ восторга либеральной печати. Про Плеханова замѣчательно вѣрно сказалъ тов. Степановъ (Сборникъ: «Текущій моментъ», статья «Издалека»), что съ нимъ приключилось нѣчто подобное Бернштейну. И какъ Бернштейна въ свое время на рукахъ носили нѣмецкіе либералы и превозносили до небесъ всѣ «прогрессивныя» буржуазныя газеты, такъ нѣтъ теперь въ Россіи либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи (вплоть до Слова, да, да, вплоть до октябристскаго Слова!), которыя бы не обнимали, не цѣловали, не миловали мудраго и дальновиднаго, разсудительнаго и трезваго Плеханова, имѣвшаго мужество возстать противъ бойкота.

Посмотримъ же, что доказали кадетскія побѣды. Чью ошибку вскрыли онѣ? Какую тактику изобличили въ ея безплодности?

Плехановъ, Струве и К° твердятъ намъ, что бойкотъ былъ ошибкой. Почему кадеты такъ думаютъ, это совершенно ясно. Ихъ предложеніе провести въ Думу одного рабочаго отъ Москвы (см. Нашу Жизнь, отъ 22 Марта) показываетъ, что кадеты умѣютъ цѣнить помощь рабочихъ, что они ищутъ сдѣлки съ соц.-дем. въ интересахъ довершенія и закрѣпленія своей побѣды, что они заключаютъ такую сдѣлку съ рабочими безпартійными все равно, какъ заключили бы они ее и съ с.-д. партіей. Что кадеты ненавидятъ бойкотъ, какъ отказъ отъ поддержки ихъ, кадетовъ, отказъ отъ сдѣлки «лѣвыхъ» съ ними, кадетами,—это вполнѣ естественно.

Но чего хочетъ Плехановъ и тяготѣющіе къ нему (частью сознательно, частью безсознательно) меньшевики или русскіе наши с.-д. антибойкотисты? Увы, увы! Плехановъ всѣхъ смѣлѣе изъ нихъ, всѣхъ послѣдовательнѣе, всѣхъ свободнѣе и яснѣе излагаетъ свои взгляды,—и своимъ пятымъ «Дневникомъ» *) онъ показываетъ паки и паки, что онъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ. Надо участвовать въ выборахъ,—вопіетъ онъ. Для чего? Для устройства революціоннаго самоуправленія, которое проповѣдуется меньшевиками? или для того, чтобы идти въ Думу?

Плехановъ вертится, лавируетъ, виляетъ, отдѣлывается софизмами отъ этихъ простыхъ, прямыхъ и очевидныхъ вопросовъ. Молчавшій въ теченіе мѣсяцевъ и мѣсяцевъ, когда меньшевики еще на страницахъ Искры проповѣдывали революціонное самоуправленіе (и когда онъ, не обинуясь, заявлялъ о своемъ сочувствіи меньшевистской тактикѣ), Плехановъ вдругъ теперь бросаетъ самую презрительную фразу противъ этого «знаменитаго революціоннаго самоуправленія», меньшевиковъ. Знаменитаго почему и чѣмъ, товарищъ Плехановъ? Не способствовали-ли его «знаменитости» тѣ самые большевики, съ которыми Плехановъ хочетъ теперь вести войну, и которые давно показывали недостаточность, неопредѣленность и половинчатость этого лозунга?

Отвѣта нѣтъ. Плехановъ ничего не поясняетъ. Онъ бросаетъ лишь изреченіе оракула и проходитъ мимо. Разница между оракуломъ и Плехановымъ при этомъ та, что оракулъ предсказываетъ событія, а Плехановъ изрекаетъ свои вердикты послѣ миновавшихъ

---

*) Дневникъ Соціалдемократа, № 5.

событій, предподноситъ горчицу послѣ ужина. Когда меньшевики до октябрьской революціи, до декабрьскаго возстанія говорили о «революціонномъ самоуправленіи», говорили до наступленія революціоннаго подъема, тогда Плехановъ молчалъ, одобряя однако меньшевистскую тактику вообще, молчалъ, какъ будто выжидая, какъ будто недоумѣвая, не рѣшаясь составить себѣ сколько нибудь опредѣленное мнѣніе. Когда спала революціонная волна, когда миновали «дни свободы» и дни возстанія, когда сошли со сцены разные совѣты рабочихъ, солдатскихъ, желѣзнодорожныхъ и др. депутатовъ (совѣты, казавшіеся меньшевикамъ органами революціоннаго самоуправленія, и относимые большевиками къ зачаточнымъ, разрозненнымъ, стихійнымъ, а потому безсильнымъ органамъ революціонной власти), — однимъ словомъ, когда вопросъ потерялъ остроту, когда ужинъ былъ съѣденъ, тогда Плехановъ является съ горчицей, тогда онъ проявляетъ свою, любезную г. г. Струве и К°, мудрость и дальновидность..... насчетъ вчерашняго дня.

Почему не доволенъ тов. Плехановъ революціоннымъ самоуправленіемъ, это такъ и остается неизвѣстнымъ. Плехановъ сходится теперь съ большевиками насчетъ того, что революціонное самоуправленіе многихъ «сбиваетъ съ толку» (Дневникъ № 5), но по всему видно, что Плеханову подобный лозунгъ кажется слишкомъ большимъ, а большевикамъ онъ кажется слишкомъ малымъ. Плеханову кажется, что этотъ лозунгъ идетъ слишкомъ далеко, а намъ кажется, что онъ идетъ недостаточно далеко. Плехановъ клонитъ къ тому, чтобы отозвать меньшевиковъ отъ «революціоннаго самоуправленія» назадъ, къ трезвой и дѣловой работѣ въ Думѣ. Мы клонимъ къ тому, — и не только клонимъ, а сознательно и отчетливо зовемъ къ тому, — чтобы отъ революціоннаго самоуправленія сдѣлать шагъ впередъ, къ признанію необходимости цѣльныхъ, планомѣрныхъ, наступательно дѣйствующихъ органовъ возстанія, органовъ революціонной власти. Плехановъ снимаетъ практически съ очереди лозунгъ возстанія (хотя и не рѣшается сказать это прямо и опредѣленно);—вполнѣ естественно, что онъ отвергаетъ и лозунгъ революціоннаго самоуправленія, которое безъ возстанія и внѣ обстановки возстанія было бы смѣшной и вредной игрой. Плехановъ немножко послѣдовательнѣе своихъ единомышленниковъ—меньшевиковъ.

Итакъ, для чего же участвовать въ выборахъ и какъ участвовать въ выборахъ, товарищъ Плехановъ? Не для революціоннаго

самоуправленія, которое только «сбиваетъ съ толку». Значитъ для участія въ Думѣ?—Но тутъ на Плеханова нападаетъ сугубая робость. Онъ не хочетъ отвѣчать, а такъ какъ N + 1 товарищей изъ Россіи, желающихъ не только «почитывать» дневники «пописывающаго» писателя, но и дѣйствовать какъ нибудь опредѣленно среди рабочей массы, такъ какъ эти N + 1 назойливыхъ корреспондентовъ требуютъ отъ него точнаго отвѣта, то Плехановъ начинаетъ сердиться. Трудно себѣ представить что-либо болѣе безпомощное и болѣе курьезное, какъ его сердитое заявленіе, что было бы педантствомъ, схематизмомъ и т. п. требовать отъ выбирающихъ знанія того, куда и зачѣмъ они выбираютъ. Помилосердствуйте, тов. Плехановъ! Да вѣдь Васъ просто осмѣютъ и ваши друзья кадеты, и наши рабочіе, если Вы въ серьезъ, передъ массой станете защищать эту великолѣпную программу: участвуйте въ выборахъ, выбирайте, но не спрашивайте, куда вы выбираете, зачѣмъ вы выбираете. Выбирайте на основаніи закона о выборахъ въ Думу, но не смѣйте думать (это было бы педантство и схематизмъ), что вы выбираете въ Думу.

Почему запутался такъ очевидно тов. Плехановъ, который нѣкогда умѣлъ писать ясно и давать точные отвѣты? Потому, что невѣрно оцѣнивъ декабрьское возстаніе, онъ составилъ себѣ въ корнѣ ошибочное представленіе о настоящемъ политическомъ моментѣ. Онъ попалъ въ такое положеніе, которое заставляетъ его бояться додумать до конца свои думы, бояться взглянуть прямо въ лицо дѣйствительности.

Теперь же неподкрашенная дѣйствительность «думской кампаніи» обрисовалась уже вполнѣ ясно. Теперь уже факты отвѣтили на вопросъ, какое объективное значеніе имѣютъ выборы и участіе въ нихъ, независимо отъ воли, сознанія, рѣчей и обѣщаній самихъ участвующихъ. Самый рѣшительный изъ меньшевиковъ, тов. Плехановъ, потому и боится высказаться прямо за участіе въ Думѣ, что это участіе опредѣлило уже свой характеръ. Участвовать въ выборахъ, значитъ либо поддерживать кадетовъ и войти въ сдѣлку съ ними, либо играть въ выборы. Справедливость этого положенія доказала теперь сама жизнь. Плехановъ вынужденъ былъ въ № 5 Дневника признать правильность второй половины этого разсужденія, признать безтолковость лозунга: «революціонное самоуправленіе». Въ № 6 Дневника

Плехановъ, если не уклонится отъ разбора дѣла по существу, вынужденъ будетъ признать и первую половину.

Политическая дѣйствительность окончательно провалила тактику меньшевиковъ, ту тактику, которую они защищали въ своей «платформѣ» (гектографированный листокъ, упоминающій имена Мартова и Дана, изданный въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1905 или началѣ 1906 г.) и въ своихъ печатныхъ заявленіяхъ (листокъ О. Ц. К. съ изложеніемъ обѣихъ тактикъ, статья Дана въ извѣстной брошюрѣ). Это была тактика участія въ выборахъ не для выборовъ въ Думу. Объ участіи въ Думѣ, повторяемъ, ни одинъ меньшевикъ изъ сколько нибудь видныхъ не рѣшился и заикнуться въ печати. И вотъ эта-то, «чистая» меньшевистская тактика провалена жизнью окончательно. Объ участіи въ выборахъ для «революціоннаго самоуправленія», для ухода съ губернскихъ избирательныхъ собраній и т. п. врядъ ли даже можно теперь и говорить серьезно. Событія показали самымъ наглядымъ образомъ, что такая игра въ выборы, игра въ парламентаризмъ ничего кромѣ компрометированія соціалдемократіи, кромѣ позора и скандала для нея дать не можетъ.

Если нужны еще подтвержденія сказанному, то одно изъ самыхъ яркихъ далъ Московскій Окружный Комитетъ нашей партіи. Это—слитная организація, объединившая фракціи большинства и меньшинства. Тактика была принята тоже «слитная», т. е. на половину, по крайней мѣрѣ, меньшевистская: участвовать въ выборахъ уполномоченныхъ, чтобы закрѣпить вліяніе с.-д. въ рабочей куріи, и сорвать затѣмъ выборы, отказавшись отъ выбора выборщиковъ. Это былъ опытъ повторенія тактики, принятой относительно комиссіи Шидловскаго. Это былъ «первый шагъ» какъ разъ въ духѣ рекомендуемыхъ тов. Плехановымъ мѣръ: участвовать будемъ, а тамъ дальше разберемъ въ свое время поподробнѣе.

Меньшевистски-плехановская тактика московскаго окружнаго комитета провалилась, какъ и слѣдовало ожидать, съ трескомъ. Уполномоченные были выбраны. Прошли соціалдемократы и частью даже члены организаціи. Подоспѣлъ законъ противъ бойкота. Уполномоченные попали въ тиски: либо пойти въ тюрьму за агитацію въ пользу бойкота, либо выбрать выборщиковъ. Агитація окружнаго комитета, подпольная, какъ и агитація всѣхъ организацій нашей партіи, оказалась безсильна сладить съ двинутыми ею силами. Уполномоченные нарушили данное обѣщаніе, порвали

свои императивные мандаты и ..... выбрали выборщиковъ. Среди выборщиковъ тоже оказались частью с.-д. и даже члены организаціи.

Пишущій эти строки присутствовалъ при крайне тяжелой сценѣ въ засѣданіи Московскаго Окружнаго Комитета, когда руководящая с. д. организація обсуждала вопросъ: что дѣлать и какъ быть теперь съ этой провалившейся (плехановской) тактикой. Провалъ тактики былъ до того очевиденъ, что изъ меньшевиковъ, членовъ комитета, не нашлось ни одного, который бы высказался за участіе выборщиковъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи или за революціонное самоуправленіе или за что нибудь подобное. Съ другой стороны, трудно было рѣшиться и на мѣры взысканія противъ нарушившихъ свои императивные мандаты уполномоченныхъ — рабочихъ. Комитету пришлось умыть руки, молча признать свою ошибку.

Таковъ былъ результатъ плехановской тактики: выбирать, не обдумавъ хорошенечко (не желая даже обдумать хорошенечко, не желая вовсе обдумывать: см. № 5 «Дневника»), къ чему и зачѣмъ выбирать. При первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью меньшевистская «тактика» разлетѣлась въ пухъ и прахъ, — это и не удивительно, ибо состояла эта «тактика» (участія въ выборахъ не для выборовъ) въ однихъ хорошихъ словахъ и хорошихъ намѣреніяхъ. Намѣренія остались намѣреніями, слова остались словами, а на дѣлѣ вышло то, что диктовалось неумолимой логикой объективной политической ситуаціи: либо выбирать для поддержки кадетовъ, либо играть въ выборы. Событія буквально подтвердили, слѣдовательно, то, что я писалъ въ своей статейкѣ: «Государственная Дума и с.-д. тактика»: «Мы можемъ заявить о полной и полнѣйшей самостоятельности нашихъ с.-д. кандидатуръ, о чистой и чистѣйшей партійности нашего участія, но политическая обстановка сильнѣе всѣхъ заявленій. На дѣлѣ не выйдетъ, не можетъ выйти сообразно этимъ заявленіямъ. На дѣлѣ получится неизбѣжно, вопреки нашей волѣ, несоціальдемократическая и непартійная рабочая политика при теперешнемъ участіи въ теперешней Думѣ». (стр. 5).

Пусть попробуютъ меньшевики или плехановцы опровергнуть этотъ выводъ, — только не словами, а дѣлами, фактами. У насъ вѣдь теперь въ партіи каждая мѣстная организація автономна въ своей тактикѣ. Отчего же не вышло нигдѣ въ Россіи путной и тол-

ковой меньшевистской тактики? Отчего московская группа Р. С.-Д. Р. П., меньшевистская и неслитая съ большевистскимъ комитетомъ, не подготовила «плехановской» или своей собственной выборной кампаніи къ тѣмъ выборамъ, которые произойдутъ въ Москвѣ послѣзавтра, въ воскресенье 26 марта? Конечно, не отъ нежеланія. Я увѣренъ, что и не отъ неумѣнья. Оттого, что объективная политическая ситуація предписывала либо бойкотъ, либо поддержку кадетовъ. Теперь среди выборщиковъ московской губерніи есть с.-д. Выборы обрисовались вполнѣ. Губернское избирательное собраніе еще не скоро. Время есть, товарищъ Плехановъ. Время есть, товарищи — меньшевики! Посовѣтуйте же этимъ выборщикамъ, что дѣлать *). Покажите имъ хоть разъ не заднимъ числомъ, что у васъ есть тактика. Должны ли эти выборщики просто уйти съ губ. избирательнаго собранія? Или уйти и образовать революціонное самоуправленіе? Или подать бѣлые листики? Или, наконецъ, выбирать въ Думу, и если такъ, то кого? своего с.-д. для пустой и безнадежной, закулисной демонстраціи? Наконецъ, главный вопросъ, на который должны отвѣтить вы, товарищи меньшевики и товарищъ Плехановъ: какъ быть этимъ выборщикамъ, если ихъ голоса будутъ рѣшать выборъ кадетовъ или

---

*) Эти строки были уже написаны, когда я прочелъ № 20 «Рѣчи», отъ 24 марта, гдѣ говорится въ корреспонденціи изъ Москвы: «Насколько можно сейчасъ опредѣлить, шансы въ предстоящей борьбѣ на губернскихъ выборахъ между кадетами и правыми партіями приблизительно одинаковы: какъ у октябристовъ (11) съ торгово-промышленниками (26) и представителями крайнихъ партій (13) насчитывается всего 50 достаточно опредѣлившихся голосовъ, такъ точно и у кадетовъ (22), если причислить къ нимъ безпартійныхъ прогрессистовъ (11) и рабочихъ (17), получится тоже 50 голосовъ. Успѣхъ будетъ находиться такимъ образомъ въ зависимости отъ того, къ какой партіи примкнутъ 9 выборщиковъ, направленіе которыхъ остается неизвѣстнымъ».

Допустимъ, что эти 9 либералы, а 17 рабочихъ — уполномоченные с.-д. партіи (какъ то желали видѣть Плехановъ и меньшевики). Итоги тогда: кадеты 42, правые 50, с.-д. 17. Что остается дѣлать соціальдемократамъ кромѣ избирательнаго соглашенія съ кадетами о дѣлежѣ мѣстъ въ Думу?

октябристовъ? если напримѣръ, кадетовъ будетъ А — 1, октябристовъ А, а выборщиковъ — соціальдемократовъ двое? воздержаться*) значило бы помочь октябристамъ побить кадетовъ! остается подать за кадетовъ и попросить у нихъ за услугу мѣстечка въ Думѣ?

Это вовсе не выдуманный нами выводъ. Это вовсе не полемическая выходка противъ меньшевиковъ. Этотъ выводъ — сама дѣйствительность. Участіе рабочихъ въ выборахъ, участіе соціальдемократіи въ выборахъ на дѣлѣ приводитъ къ этому и только къ этому. Кадеты правильно учли петербургскій опытъ, когда непартійные рабочіе-квартиронаниматели голосовали за нихъ, чтобы, не дать побѣдить октябристамъ. Сдѣлавъ учетъ этого опыта, кадеты выступили съ прямымъ предложеніемъ къ московскимъ рабочимъ: поддержите насъ, и мы проведемъ одного изъ вашихъ выборныхъ въ Думу. Кадеты правильнѣе поняли дѣйствительное значеніе Плехановской тактики, чѣмъ самъ Плехановъ. Своимъ предложеніемъ они предвосхитили неминуемый политическій результатъ выборовъ. Будь вмѣсто непартійныхъ рабочихъ-выборщиковъ партійные рабочіе соціалъ-демократы, они стояли бы передъ той же дилеммой: либо отстраниться, пособивъ этимъ черносотенцамъ, либо войти въ прямую или косвенную, молчаливую, или оформленную договоромъ, сдѣлку съ кадетами.

Да, да, недаромъ, совсѣмъ не даромъ лобзаютъ теперь ка-

---

*) Врядъ ли нужно добавлять, что выбирая своего с.-д., эти двое на дѣлѣ помогли бы черносотенцамъ. Соціальдемократическій выборъ равнялся бы воздержанію, то есть равнялся бы пассивному отстраненію отъ боя, въ которомъ черносотенцы бьютъ кадетовъ.

P. S. Въ текстѣ ошибочно было сказано, что губернское избирательное собраніе еще не скоро. Оно уже теперь состоялось. Черносотенцы побѣдили, ибо крестьяне не столковались съ кадетами. Кстати, въ томъ же номерѣ «Наш. Жизни», откуда мы почерпаемъ это извѣстіе (№ 405, отъ 28 марта), сообщается: «Газета Путь изъ достовѣрнаго источника передаетъ, что многіе соціальдемократы-меньшевики приняли вчера (въ Москвѣ) дѣятельное участіе въ выборахъ, подавая свои голоса по спискамъ народной свободы». Правда-ли это?

деты Плеханова! Цѣна этимъ лобзаніямъ очевидная. Do ut des, какъ говоритъ латинская пословица: я даю тебѣ, чтобы ты далъ мнѣ. Я даю тебѣ лобзаніе за то, что ты своими совѣтами, даешь мнѣ лишніе голоса. Правда, ты, можетъ быть, вовсе не хотѣлъ этого; ты стыдился даже признаться публично въ полученіи нашихъ лобзаній. Ты увертывался всѣми правдами и неправдами (особенно неправдами!) отъ отвѣта на вопросы, которые слишкомъ безцеремонно, слишкомъ вплотную подходили къ самой сути нашей любовной сдѣлки. Но вѣдь дѣло вовсе не въ твоихъ желаніяхъ, не въ твоихъ умыслахъ, не въ твоихъ благихъ (съ соціальдемократической точки зрѣнія благихъ) намѣреніяхъ. Дѣло въ результатахъ, а таковые намъ выгодны.

Кадетское пониманіе Плехановской тактики соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Поэтому для нихъ получается и желаемый ими результатъ: пріобрѣтеніе рабочихъ голосовъ, заключеніе сдѣлки съ рабочими, вовлеченіе рабочихъ въ круговую (вмѣстѣ съ кадетами) отвѣтственность за кадетскую Думу, за кадетскую политику.

Плехановское пониманіе предлагаемой имъ тактики не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Поэтому благія намѣренія Плеханова служатъ лишь къ мощенію ада. Соціальдемократическая агитація по поводу выборовъ передъ массами, организація массъ, мобилизація массъ вокругъ соціальдемократіи и т. п. и проч. (смотри декламацію Плехановскаго единомышленника Дана, въ его брошюрѣ), все это остается на бумагѣ. Какъ бы кто изъ насъ ни желалъ этого, — объективныя условія препятствуютъ осуществленію желаній. Соціальдемократическаго знамени развернуть передъ массой не удается (вспомните примѣръ Московскаго Окружнаго Комитета) нелегальной организаціи нѣтъ возможности превратиться въ легальную, парусъ вырывается у безсильнаго кормчаго, бросившагося въ quasi-парламентскій потокъ безъ всякаго серьезнаго снаряженія. На дѣлѣ получается несоціальдемократическая, и непартійная рабочая политика или кадетская рабочая политика.

Но вѣдь нашъ бойкотъ оказался совсѣмъ безполезной и безсильной вещью! кричатъ намъ со всѣхъ сторонъ кадеты. Рабочіе, которые хотѣли посрамить Думу и насъ, кадетовъ, своимъ примѣромъ бойкота,—рабочіе, которые выбрали чучело въ Думу, ошиблись самымъ явнымъ образомъ! Дума будетъ не чучельная, а кадетская!

Полноте, господа! Вы наивны или прикидываетесь наивными. Если Дума будетъ кадетская, ситуація получится иная, но все же Дума будетъ чучеломъ. Рабочими руководилъ замѣчательно чуткій классовый инстинктъ, когда они своей безподобной демонстраціей съ выборами чучела символизировали будущую Думу, предостерегали довѣрчивый народъ, снимали съ себя отвѣтственность за игру въ чучела.

Вы не понимаете этого? Позвольте, мы поясним ъ вамъ.

II.

Первые политическіе выборы въ Россіи имѣютъ очень крупное политическое и соціальное значеніе. Но кадеты, упоенные своей побѣдой и погрязшіе цѣликомъ въ конституціонныхъ иллюзіяхъ, совершенно не способны понять дѣйствительное значеніе этихъ выборовъ.

Прежде всего, разсмотримъ, какіе классовые элементы группируются вокругъ кадетовъ. Выборы даютъ по этому вопросу чрезвычайно поучительный и цѣнный матеріалъ, который еще далеко, далеко не полонъ. Кое что однако уже намѣчается и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Вотъ итоги данныхъ о выборщикахъ по 18 марта (т. е. до петербургскихъ выборовъ), заимствуемые нами изъ «Русскихъ Вѣдомостей»:

Политическія направленія *).	Число выборщиковъ, избранныхъ съѣздами:		Итого.
	городск. избирателей.	землевладѣльцевъ.	
Лѣвые	268	128	396
Правые	118	172	290
Безпартійные	101	178	279
Итого	487	478	965

*) Къ лѣвымъ мы отнесли с.-д (2), к.-д. (304), п. д. р. (4), прогресс. напр. (59), умѣр. либ. (17), союза равн. евр. (3) и поляк. нац. (7). Къ правымъ — октябристовъ (124), торг.-пром. п. (51), конст.-монарх. (7), правыхъ — (49); монархистовъ — (54).

Какъ ни скудны еще эти данныя, изъ нихъ видно однако (и петербургскіе выборы лишь усиливаютъ такой выводъ), что русское освободительное движеніе вообще, партія кадетовъ въ частности, переживаетъ нѣкоторый соціальный сдвигъ. Центръ тяжести этого движенія болѣе перемѣщается къ городамъ. Движеніе демократизируется. Выдвигается городской обыватель изъ «мелкоты».

Среди землевладѣльцевъ преобладаютъ правые (если допустить, что безпартійные дѣлятся пополамъ между лѣвыми и правыми, — предположеніе, которое грѣшитъ скорѣе, вѣроятно, излишнимъ пессимизмомъ, чѣмъ оптимизмомъ). Среди городскихъ избирателей — несравненно болѣе сильное преобладаніе лѣвыхъ.

Помѣщикъ ушелъ отъ кадетовъ въ союзъ 17 октября и т. п. партіи. За то мелкая буржуазія, по крайней мѣрѣ городская (о сельской данныхъ еще нѣтъ, да и труднѣе будетъ до Думы добыть такія данныя), выступаетъ явно на политическую арену, поворачиваетъ явно къ демократизму. Если въ буржуазно-освободительномъ (и «освобожденскомъ») движеніи земскихъ съѣздовъ преобладали помѣщики, то теперь крестьянскія возстанія и октябрьская революція отбросили большую часть ихъ рѣшительно на сторону контръ-революціи. Партія кадетовъ остается двойственной — въ ней мы видимъ и городскую мелкую буржуазію и либеральныхъ помѣщиковъ — но послѣдніе, повидимому, составляютъ уже меньшинство въ партіи. Мелкобуржуазная демократія преобладаетъ.

Съ большой вѣроятностью, почти съ достовѣрностью, мы можемъ, слѣдовательно, сдѣлать два слѣдующіе выводы: во 1-хъ, мелкая буржуазія формируется политически и выступаетъ опредѣленно противъ правительства; во 2-хъ, партія к. д. становится «парламентской» партіей мелкобуржуазной демократіи.

Эти выводы не совпадаютъ одинъ съ другимъ, какъ могло бы показаться на первый взглядъ. Второй выводъ гораздо уже перваго, ибо к. д. охватываютъ не всѣ мелкобуржуазные демократическіе элементы, будучи кромѣ того только «парламентской» (т. е. разумѣется квази-парламентской, игрушечно-парламентской) партіей. Насчетъ значенія, напр., петербургскихъ выборовъ поразительно сходятся всѣ свидѣтельства,—начиная отъ бойкой и радикальничающей Руси, продолжая г-номъ Набоковымъ, членомъ ц. к. кадетовъ и кандидатомъ въ Думу, и кончая Новымъ Временемъ,—сходятся въ томъ, что это были, собственно, не столько голосованія за кадетовъ, сколько голосованія противъ правя-

тельства. Кадетамъ побѣда досталась въ значительной степени лишь потому, что они оказались (благодаря Дурново и К-о) самой лѣвой партіей. Дѣйствительно лѣвыя партіи были устранены насиліемъ, арестами, бойнями, избирательнымъ закономъ и т. д. Всѣ недовольные, раздраженные, озлобленные, неопредѣленно-революціонные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы, вынуждены были сплотиться вокругъ кадетовъ *). То соединеніе всѣхъ прогрессивныхъ выборщиковъ за одно съ кадетами, которое мы произвели въ выше приведенной табличкѣ, произошло и на самомъ дѣлѣ. Боролись, въ сущности, двѣ крупныя силы: за правительство (контръ-революціонный помѣщикъ, капиталистъ и озвѣрѣлый чиновникъ) и противъ правительства (либеральный помѣщикъ, мелкая буржуазія и всякіе неопредѣленные элементы революціонной демократіи). Что элементы, стоящіе лѣвѣе кадетовъ, отдавали имъ свои голоса, это несомнѣнно изъ общей картины петербургскихъ **) выборовъ, это подтверждаютъ и прямыя показанія многочисленныхъ свидѣтелей (подача голоса «простонародьемъ» за «свободу» и проч. и т. п.), это видно косвеннымъ образомъ и изъ повальнаго перехода въ кадетскій лагерь демократической печати, немножечко болѣе лѣвой, чѣмъ печать кадетская. Слѣдовательно, если ядро теперешней кадетской партіи составляютъ, несомнѣнно, люди, навѣрное негодные ни на что путное, кромѣ игрушечно парламентскаго краснобайства, то этого никакъ нельзя сказать про всю массу мелкобуржуазныхъ избирателей, голосовавшихъ за кадетовъ. «Съ нами, въ сущности, произошло то же, что происходитъ въ Германіи на выборахъ съ соціалдемократами»; сказалъ одинъ кадетъ репортеру кадетской (или полу-кадетской) Нашей Жизни (№ 401, 23 марта)—«за нихъ многіе голосуютъ за то, что они самая оппозиціонная партія по отношенію къ правительству».

---

*) Молва. 22 марта: «Ни для кого не секретъ, что отъ этой Думы творческой работы не ждутъ, и кадетовъ туда посылаютъ во множествѣ люди, несогласные съ ихъ программой, лишь возлагая на нихъ святое дѣло и огромный трудъ расчистки многолѣтней грязи: въ авгіевыхъ конюшняхъ нашихъ, сирѣчь въ правительствѣ».

**) Петербургскіе выборы, давшіе всѣ 160 мѣстъ кадетамъ, только съ особенной отчетливостью вскрыли то, что намѣчалось и намѣчается въ выборахъ по цѣлому ряду другихъ мѣстъ. Въ этомъ все значеніе питерскихъ выборовъ.

Это очень вѣрно сказано. Не хватаетъ только маленькаго, маленькаго добавленія: нѣмецкіе с. д., какъ боевая и въ полномъ смыслѣ слова передовая соціалистическая партія, группируютъ вокругъ себя многіе сравнительно отсталые элементы. Русскіе кадеты, какъ въ полномъ смыслѣ слова отсталая и не боевая демократическая партія, увлекли за собой многіе передовые и способные на борьбу демократическіе элементы благодаря насильственному удаленію съ поля битвы дѣйствительно демократическихъ партій. Другими словами: нѣмецкіе с. д. увлекаютъ за собой тѣхъ, кто идетъ позади нихъ; русскіе к. д. сами идутъ позади демократической революціи и увлекаютъ за собой многихъ передовыхъ лишь тогда, когда идущіе впереди ихъ населяютъ по преимуществу мѣста тюремнаго заключенія и вѣчнаго успокоенія... *) Это мимоходомъ, чтобы наши кадеты не слишкомъ возмечтали о себѣ по поводу сравненія ихъ съ нѣмецкими с.-д-тами.

Благодаря удаленію со сцены игрушечно-парламентской борьбы передовыхъ демократическихъ элементовъ и на время такого удаленія кадеты естественно имѣютъ шансы овладѣть тѣмъ игрушечнымъ парламентомъ, который зовется россійской Государственной Думой. Если взять вышеприведенныя цифры, принять во вниманіе петербургскую и другія позднѣйшія побѣды кадетовъ, прикинуть примѣрно громадное преобладаніе деревенскихъ выборщиковъ надъ городскими, присоединить къ землевладѣльческимъ выборнымъ крестьянскихъ выборныхъ, то въ общемъ и цѣломъ надо признать вполнѣ возможнымъ и даже вѣроятнымъ предположеніе, что Дума будетъ кадетской.

---

*) Интересно отмѣтить признаніе «Руси», что одной изъ причинъ успѣха кадетовъ было допущеніе ими на свои собранія «лѣвыхъ». Г. С. А-чъ пишетъ въ № 18 Молвы (22 марта): «Не мало выиграла эта партія (к. д.) въ глазахъ избирателей и оттого, что, допуская на свои митинги представителей крайнихъ лѣвыхъ партій, побѣдоносно вступала въ ними въ диспуты». Побѣдоносность кадетовъ въ спорѣ съ нами пусть останется при г. А-чѣ. Мы вполнѣ довольны результатами состязаній с.-д. и к.-д. на петербургскихъ собраніяхъ въ мартѣ 1906 г. Когда нибудь безпристрастные участники этихъ собраній разскажутъ о томъ, за кѣмъ оставалась побѣда.

III.

Какую же роль можетъ съиграть и должна будетъ съиграть кадетская Дума? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сначала остановиться на болѣе подробной характеристикѣ самой кадетской партіи.

Мы уже отмѣтили основную черту классовой структуры этой партіи. Не связанная съ какимъ либо однимъ опредѣленнымъ классомъ буржуазнаго общества, но вполнѣ буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своимъ идеаламъ, эта партія колеблется между демократической мелкой буржуазіей и контръ-революціонными элементами крупной буржуазіи. Соціальной опорой этой партіи является, съ одной стороны, массовый городской обыватель,—тотъ самый городской обыватель, который усердно строилъ баррикады въ Москвѣ въ знаменитые декабрьскіе дни,—а съ другой стороны, либеральный помѣщикъ, тяготѣющій чрезъ посредство либеральничающаго чиновника къ сдѣлкѣ съ самодержавіемъ, къ «безобидному» дѣлежу власти между народомъ и всякими угнетателями народа божіею милостью. Эта чрезвычайно широкая, неопредѣленная и внутренне-противорѣчивая классовая опора партіи (замѣтно проявлящая себя, какъ отмѣчено уже выше, въ статистикѣ кадетскихъ выборщиковъ) отражается съ замѣчательной рельефностью въ программѣ и тактикѣ к. д. Ихъ программа цѣликомъ буржуазна, кадеты не могутъ даже представить иного общественнаго строя, кромѣ капиталистическаго, за предѣлы котораго не выходятъ самыя смѣлыя пожеланія ихъ. Въ области политики, ихъ программа соединяетъ вмѣстѣ демократизмъ, «народную свободу» и контръ-революцію, свободу угнетенія народа самодержавіемъ, соединяетъ съ чисто мелкобуржуазной и профессорски-педантской скрупу-

10145-6

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА

лезностью. Власть въ государствѣ дѣлится приблизительно на три части,—таковъ идеалъ кадета. Одна часть—самодержавію. Монархія остается. Монархъ сохраняетъ равныя права съ народнымъ представительствомъ, которое «соглашается» съ нимъ насчетъ издаваемыхъ законовъ, которое предлагаетъ ему на утвержденіе свои законопроекты. Другая часть власти—помѣщику и крупному капиталисту. Они получаютъ верхнюю палату, отъ которой двухстепенные выборы и цензъ по осѣдлости должны отснять «простонародные» элементы. Наконецъ, третья часть власти народу, получающему нижнюю палату на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Къ чему борьба, зачѣмъ междоусобицы? говоритъ іудушка-кадетъ, вознося очи горѣ и укоризненно поглядывая и на революціонный народъ и на контръ-революціонное правительство. Братія! Возлюбимъ другъ друга! Пусть будутъ и волки сыты и овцы цѣлы, и монархія съ верхней палатой неприкосновенны и «народная свобода» обезпечена.

Лицемѣріе этой кадетской принципіальной позиціи бьетъ въ глаза, фальшь «научныхъ» (профессорски-научныхъ) доводовъ, которыми она защищается, поразительна. Но было бы въ корнѣ ошибочно, разумѣется, объяснить это лицемѣріе и эту фальшь личными качествами кадетскихъ вождей или отдѣльныхъ кадетовъ. Марксизму совершенно чуждо подобное вульгарное объясненіе, нерѣдко приписываемое намъ нашими противниками. Нѣтъ, среди кадетовъ несомнѣнно есть пре-искренніе люди, вѣрящіе въ то, что ихъ партія есть партія «народной свободы». Но двойственная и колеблющаяся классовая основа ихъ партіи неминуемо порождаетъ ихъ двуличную политику, ихъ фальшь и ихъ лицемѣріе.

Эти милыя черты еще яснѣе, пожалуй, чѣмъ на кадетской программѣ, сказываются и на кадетской тактикѣ. «Полярная Звѣзда», въ которой г. Струве такъ усердно и такъ успѣшно приближалъ кадетство къ нововременству, дала превосходную, великолѣпную неподражаемую обрисовку кадетской тактики. Въ то самое время, когда замирали выстрѣлы въ Москвѣ, когда военно-полицейская диктатура праздновала свои бѣшеныя оргіи, когда экзекуціи и массовыя истязанія шли по всей Россіи,—въ Полярной Звѣздѣ, раздавались рѣчи противъ насилія слѣва, противъ забастовочныхъ комитетовъ революціонныхъ партій. Торгующіе наукой за счетъ Дубасовыхъ кадетскіе профессора доходили до того (г. Кизеветтеръ, членъ Ц. К. кадетовъ и кандидатъ въ Думу), что переводили слово диктатура

словомъ усиленная охрана! «Люди науки»даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революціонную борьбу. Диктатура означаетъ—примите это разъ навсегда къ свѣдѣнію, господа Кизеветтеры, Струве, Изгоевы и К-о—неограниченную, опирающуюся на силу, а не на законъ, власть. Во время гражданской войны всякая побѣдившая власть можетъ быть только диктатурой. Но дѣло въ томъ, что бываетъ диктатура меньшинства надъ большинствомъ, полицейской кучки надъ народомъ, и бываетъ диктатура гигантскаго большинства народа надъ кучкой насильниковъ, грабителей и узурпаторовъ народной власти. Своимъ вульгарнымъ извращеніемъ научнаго понятія диктатура, своими воплями противъ насилія слѣва въ эпоху разгула самаго беззаконнаго, самаго подлаго насилія справа господа кадеты во-очію показали, какова позиція «соглашателей» въ обостренной революціонной борьбѣ. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда побѣдилъ революціонный народъ (17 октября), «соглашатель» вылѣзаетъ изъ норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствуетъ во-всю и кричитъ до иступленія: то была «славная» политическая забастовка. Когда побѣждаетъ контръ-революція,—соглашатель начинаетъ осыпать побѣжденныхъ лицемѣрными увѣщаніями и назиданіями. Побѣдившая забастовка была «славная». Побѣжденныя забастовки были преступныя, дикія, безсмысленныя, анархическія. Побѣжденное возстаніе было безуміемъ, разгуломъ стихіи, варварствомъ, нелѣпостью. Однимъ словомъ, политическая совѣсть и политическій умъ «соглашателя» состоитъ въ томъ, чтобы пресмыкаться предъ тѣмъ, кто сейчасъ сильнѣе, чтобы путаться въ ногахъ у борющихся, мѣшать то одной то другой сторонѣ, притуплять борьбу и отуплять революціонное сознаніе народа, ведущаго отчаянную борьбу за свободу.

Крестьяне борятся противъ помѣщичьяго землевладѣнія. Борьба доходитъ теперь до своего кульминаціоннаго пункта. Она обострилась настолько, что вопросъ всталъ уже ребромъ: помѣщики хотятъ пулеметовъ въ отвѣтъ на малѣйшія поползновенія крестьянъ захватить награбленную дворянами въ теченіе вѣковъ землю. Крестьяне хотятъ взять всю землю. Тогда «Полярная Звѣзда» съ кислосладкой оговорочкой пошлетъ въ бой господъ Кауфмановъ, которые будутъ доказывать. что у помѣщиковъ земли немного и что дѣло собственно не въ землѣ и что можно все окончить полюбовно.

Тактическая резолюція послѣдняго кадетскаго съѣзда хорошо суммируетъ политиканство кадетовъ. Послѣ декабрьскаго возстанія, когда мирная стачка самымъ очевиднымъ для всѣхъ образомъ изжила себя, исчерпала всѣ свои силы, оказалась уже негодной, какъ самостоятельное средство борьбы, — выплыла на поверхность резолюція кадетскаго съѣзда (предложенная, кажется, г. Винавером), признающая м и р н у ю политическую забастовку, какъ средство борьбы!

Великолѣпно, безподобно, господа кадеты! Вы усвоили себѣ съ неподражаемой ловкостью духъ и смыслъ буржуазнаго политиканства. Надо стараться опереться на народъ. Безъ этого буржуазія не достигнетъ власти и никогда не достигала власти. Но надо въ то же время сдерживать революціонный натискъ народа, чтобы рабочіе и крестьяне не завоевали, боже упаси, полной и рѣшительной демократіи, настоящей, а не монархической, не «двухпалатной» народной свободы. Для этого надо бросать палки подъ колеса революціи всякій разъ, когда она побѣждаетъ, — и дѣлать это слѣдуетъ всѣми средствами, всѣми мѣрами, начиная отъ «научнаго» искаженія латыни «профессорами» для посрамленія самой идеи рѣшительной побѣды народа и кончая хотя бы признаніемъ только такихъ средствъ революціонной борьбы, которыя у ж е отжили свое время въ тотъ моментъ, когда вы ихъ признаете! Это и безвредно и выгодно. Безвредно, ибо притупившееся оружіе завѣдомо не дастъ народу побѣды, не поставитъ къ власти пролетаріатъ и крестьянство, въ лучшемъ случаѣ только расшатаетъ немного самодержавіе и поможетъ кадетамъ выторговать для буржуазіи лишній кусочекъ «правъ». Это выгодно, ибо даетъ внѣшній видъ «революціонности», видъ сочувствія народной борьбѣ, привлекаетъ на сторону кадетовъ симпатіи массы такихъ элементовъ, которые искренно и серьезно хотятъ побѣды революціи.

Самая сущность экономическаго положенія мелкой буржуазіи, колеблющейся между капиталомъ и трудомъ, неизбѣжно порождаетъ политическую шаткость и двуличность партіи кадетовъ, ведетъ къ ихъ пресловутой теоріи соглашенія («народъ имѣетъ права, но утверждать эти права, есть право монарха»), дѣлаетъ изъ ихъ партіи партію конституціонныхъ иллюзій. Идеологъ мелкой буржуазіи не можетъ понять «сущности конституціи». Мелкій буржуа всегда склоненъ принимать бумажку за сущность дѣла. Онъ мало способенъ къ самостоятельной, не примыкающей къ боевому классу,

организаціи для борьбы непосредственно-революціонной. Наиболѣе отстраненный отъ самой рѣзкой экономической борьбы нашей эпохи, онъ и въ политикѣ предпочитаетъ уступать первое мѣсто другимъ классамъ, когда рѣчь идетъ о настоящемъ завоеваніи конституціи, объ обезпеченіи на дѣлѣ настоящей конституціи. Пусть за конституціонную почву борется пролетаріатъ, а на конституціонной почвѣ, поскольку она держится хотя бы на трупахъ перебитыхъ въ возстаніи рабочихъ, пусть играютъ въ парламентаризмъ игрушечнаго дѣла людишки,—такова имманентная тенденція буржуазіи, и партія кадетовъ, эта очищенная, облагороженная, сублимированная, надушенная, идеализированная, подслащенная персонификація общебуржуазныхъ стремленій, дѣйствуетъ въ указанномъ направленіи съ замѣчательной неуклонностью.

Вы зовете себя партіей народной свободы? Подите вы! Вы — партія мѣщанскаго обмана народной свободы, партія мѣщанскихъ иллюзій насчетъ народной свободы. Вы — партія свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помѣщичьей, палатѣ. Вы — партія народа, ибо вы боитесь побѣды народа, т. е. полной побѣды крестьянскаго возстанія, полной свободы рабочей борьбы за рабочее дѣло. Вы—партія борьбы, ибо вы прячетесь за кислосладкія профессорскія отговорки всякій разъ, когда разгорается настоящая, прямая, непосредственная революціонная борьба противъ самодержавія. Вы—партія словъ, а не дѣла, обѣщаній, а не исполненій, конституціонныхъ иллюзій, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцію.

Когда наступаетъ затишье послѣ отчаянной борьбы, когда на верху «отдыхаетъ уставшій отъ побѣды» обожравшійся звѣрь *), а внизу «точатъ мечи», собирая новыя силы, когда начинаетъ снова понемногу бродить и кипѣть въ народной глубинѣ, когда только еще готовится новый политическій кризисъ и новый великій бой,—

*) Скиталецъ: «Проклятая страна»: «Струны порваны! пѣсня, умолкни теперь! Всѣ слова мы до битвы сказали. Снова ожилъ драконъ-издыхающій звѣрь, и мечи вмѣсто струнъ зазвучали... Тихо стало кругомъ; въ этой жуткой ночи нѣтъ ни звука изъ жизни бывалой. Тамъ—внизу—побѣжденые точатъ мечи, наверху—побѣдитель усталый. Одряхлѣлъ и изсохъ обожравшійся звѣрь. Тамъ, внизу что-то видитъ онъ снова, тамъ дрожитъ и шатается старая дверь, богатырь разбиваетъ оковы».

тогда партія мѣщанскихъ иллюзій о народной свободѣ переживаетъ кульминаціонный пунктъ своего развитія, упивается своими побѣдами. Обожравшемуся звѣрю лѣнь подниматься снова, чтобы нападать на либеральныхъ говоруновъ вплотную (успѣется еще! надъ нами не каплетъ!) А для борцовъ рабочаго класса и крестьянства не настала еще пора новаго подъема. Тутъ-то и ловить моментъ, тутъ-то и собирать голоса всѣхъ недовольныхъ (а кто нынче доволенъ?), тутъ-то и заливаться соловьемъ нашимъ кадетамъ.

Кадеты—могильные черви революціи. Революцію похоронили. Ее гложутъ черви. Но революція обладаетъ свойствомъ быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почвѣ. А почва подготовлена замѣчательно, великолѣпно, октябрьскими днями свободы и декабрьскимъ возстаніемъ. И мы далеки отъ мысли отрицать полезную работу червей въ эпоху похоронъ революціи. Вѣдь эти жирные черви такъ хорошо удобряютъ почву...

Крестьянинъ въ думѣ будетъ кадетомъ! воскликнулъ какъ-то г. Струве въ «Полярной Звѣздѣ». Это очень правдоподобно. Крестьянинъ въ массѣ своей стоитъ, конечно, за народную свободу. Онъ услышитъ эти хорошія, великія слова, онъ увидитъ предъ собой переряженныхъ въ разные «октябристскіе» костюмы урядниковъ, скулодробительныхъ становыхъ, крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Онъ встанетъ, навѣрное, на сторону народной свободы, онъ потянется за красиво-намалеванной вывѣской, онъ не разгадаетъ сразу мѣщанскаго обмана, онъ станетъ кадетомъ... онъ будетъ кадетомъ до тѣхъ поръ, пока ходъ событій не укажетъ ему, что народная свобода е щ е должна быть завоевана, что настоящая борьба за народную свободу предстоитъ в н ѣ думы. А тогда... тогда и крестьянинъ и масса городской мелкой буржуазіи расколется: небольшое но экономически-сильное, кулацкое меньшинство можетъ встать уже рѣшительно на сторону контръ-революціи, часть встанетъ на сторону «соглашенія», «примиренія», полюбовной сдѣлки съ монархіей и съ помѣщиками, часть уйдетъ на сторону революціи.

Обыватель строилъ баррикады въ декабрѣ, во время великой борьбы. Обыватель протестовалъ противъ правительства, выбирая кадета, послѣ подавленія возстанія, въ мартѣ. Обыватель отойдетъ еще отъ кадета къ революціи, когда потерпятъ крахъ теперешнія конституціонныя иллюзіи. Какая часть обывателей отойдетъ отъ кадетской болтовни къ революціонной борьбѣ, какая часть крестьянства присоединится къ нимъ, насколько энергично, организо-

вано и успѣшно выступитъ въ новомъ натискѣ пролетаріатъ,—это рѣшитъ исходъ революціи.

Партія кадетовъ—эфермерная, безжизненная партія. Это утвержденіе можетъ показаться парадоксомъ въ такой моментъ, когда кадеты одерживаютъ блестящія побѣды на выборахъ, когда имъ престоятъ, вѣроятно, еще болѣе блестящія «парламентскія» побѣды въ Думѣ. Но марксизмъ учитъ насъ разсматривать всякое явленіе въ его развитіи и не довольствоваться однимъ поверхностнымъ очертаніемъ, не вѣрить въ красивыя вывѣски, изслѣдовать экономическія, классовыя основы партій, изучать ту объективную политическую обстановку, которая предрѣшитъ значеніе и исходъ ихъ политической дѣятельности. Примѣните этотъ методъ разсмотрѣнія къ кадетамъ,—и вы увидите правильность нашего утвержденія. Кадеты не партія, а симптомъ. Это не политическая сила, а пѣна, которая получается отъ столкновенія болѣе или менѣе уравновѣшивающихъ другъ други борющихся силъ. Они соединяютъ въ себѣ, по истинѣ, лебедя, рака и щуку—болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцію, контръреволюціоннаго помѣщика, желающаго за сходную цѣну откупиться отъ революціи, и, наконецъ, твердаго, хозяйственнаго, экономнаго и прижимистаго мелкаго буржуа. Эта партія не хочетъ и не можетъ сколько нибудь прочно властвовать въ буржуазномъ обществѣ вообще, не хочетъ и не можетъ вести по какому нибудь опредѣленному пути буржуазно-демократическую революцію. Кадеты не хотятъ властвовать, предпочитая «состоять» при монархіи и верхней палатѣ. Они не могутъ властвовать, ибо настоящіе хозяева буржуазнаго общества, разные Шиповы и Гучковы, представители крупнаго капитала и крупной собственности, стоятъ въ сторонѣ отъ этой партіи. Кадеты—партія мечтаній о бѣленькомъ, чистенькомъ упорядоченномъ, «идеальномъ» буржуазномъ обществѣ. Гучковы и Шиповы—партія черненькаго, настоящаго, реальнаго капитала въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Кадеты не могутъ вести революцію впередъ, ибо нѣтъ за ними сплоченнаго и дѣйствительнаго революціоннаго класса. Они боятся революціи. Они сплачиваютъ вокругъ себя всѣхъ, весь «народъ» лишь на почвѣ конституціонныхъ иллюзій, объединяютъ лишь отрицательной связью: ненавистью къ обожравшемуся звѣрю къ самодержавному правительству, противъ котораго всѣхъ лѣвѣе, на данной «легальной» почвѣ стоятъ сейчасъ кадеты.

Историческая роль кадетовъ — переходная, минутная роль. Они падутъ вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ и быстрымъ паденіемъ конституціонныхъ иллюзій, какъ пали очень похожіе на нашихъ кадетовъ и такіе же мелкобуржуазные французскіе соціальдемократы конца 40-хъ годовъ. Кадеты падутъ, удобривъ почву... либо для продолжительного торжества Шиповыхъ и Гучковыхъ, для длительныхъ похоронъ революціи, для «серьезнаго» буржуазнаго конституціонализма; — либо для революціонно-демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства.

IV.

Итакъ, Государственная Дума, говорятъ намъ либеральныя газеты, будетъ кадетской. Мы указали уже, что это предположеніе вполнѣ вѣроятное. Добавимъ только, что если кадеты окажутся, несмотря на свои теперешнія побѣды, въ меньшинствѣ въ Думѣ, то это обстоятельство врядъ-ли особенно существенно измѣнитъ ходъ того политическаго кризиса, который вновь назрѣваетъ теперь въ Россіи. Элементы этого революціоннаго кризиса коренятся слишкомъ глубоко, чтобы тотъ или иной составъ Думы могъ оказать серьезное вліяніе. Отношеніе широкихъ массъ населенія къ правительству вполнѣ ясное. Отношеніе правительства къ назрѣвшимъ нуждамъ всего общественнаго развитія болѣе чѣмъ ясное. Революція, естественно, будетъ идти впередъ при такомъ положеніи дѣлъ. Одно только вѣроятное замедленіе въ извѣстныхъ сторонахъ политическаго развитія Россіи будетъ связано съ преобладаніемъ черносотенцевъ въ первой Думѣ. Именно: замедлится крахъ кадетской партіи и кадетскаго обаянія въ народѣ, если кадеты будутъ теперь въ меньшинствѣ. Быть въ меньшинствѣ, оставаться въ оппозиціи для нихъ теперь очень удобно. Перевѣсъ черносотенцевъ сваливался-бы въ глазахъ публики на правительственныя репрессіи при выборахъ. Оппозиціонныя рѣчи кадетовъ, сознающихъ «безвредность» своей оппозиціи, были-бы особенно горячи. Передъ широкими массами политически неразвитаго населенія престижъ кадетовъ могъ-бы подниматься при такихъ условіяхъ, когда кадетскія «слова» звучали-бы еще громче, чѣмъ теперь, а кадетскія «дѣла» оставались-бы еще неясными вслѣдствіе майоризированія кадетовъ октябристами. Ростъ недовольства противъ правительства, подготовленіе новаго революціоннаго подъема шли-бы и тогда своимъ

чередомъ, но разоблаченіе кадетской пустоты могло-бы нѣсколько замедлиться.

Возьмемъ теперь другое предположеніе, болѣе вѣроятное, если вѣрить теперешнимъ увѣреніямъ кадетскихъ газетъ. Допустимъ, что кадеты будутъ въ Думѣ въ большинствѣ, — разумѣется, при такомъ-же соединеніи съ кадетами разныхъ непартійныхъ, «мелкопартійныхъ» и прочихъ либераловъ, которое наблюдается и теперь при выборахъ. Каковы будутъ значеніе и роль кадетской Думы?

Сами кадеты даютъ очень опредѣленные отвѣты на этотъ вопросъ. Ихъ заявленія, ихъ обѣщанія, ихъ громкія фразы дышатъ твердостью и рѣшимостью. И намъ, членамъ рабочей партіи, въ высшей степени важно тщательно собрать всѣ эти заявленія, хорошенечко запомнить ихъ, шире распространить ихъ въ народѣ, добиться непремѣнно того, чтобы уроки политическаго воспитанія (преподаваемые кадетами народу) не пропали даромъ, чтобы рабочіе и крестьяне доподлинно знали, *что обѣщаютъ кадеты и какъ они выполняютъ свои обѣщанія*.

Въ настоящей брошюрѣ, — которая представляетъ изъ себя не болѣе, какъ бѣглыя замѣтки странствующаго с.-д. публициста, отставленнаго, волею Дурново и К-о, отъ газетной работы, — въ этой брошюрѣ мы не можемъ и думать о томъ, чтобы собрать всѣ или хотя-бы даже наиболѣе существенныя заявленія и обѣщанія кадетовъ, шедшихъ въ Думу. Мы можемъ отмѣтить лишь кое-что на основаніи литературы, которая случайно находится у насъ подъ руками.

Вотъ газета «Народная Свобода», выходившая въ декабрѣ и быстро закрытая правительствомъ. Это — прямой, оффиціальный органъ кадетской партіи. Такіе столпы этой партіи, какъ г.г. Милюковъ и Гессенъ, редактировали эту газету. Что вся партія к.-д. отвѣчаетъ за ея содержаніе, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Въ номерѣ отъ 20 декабря «Народная Свобода» принимается увѣрять читателя, что необходимо идти въ Думу. Какъ-же аргументируетъ при этомъ органъ кадетовъ? «Н. Свобода» и не думаетъ спорить противъ того, что очередная политическая задача для Россіи состоитъ въ созывѣ Учредительнаго Собранія. Органъ кадетовъ принимаетъ это положеніе за доказанное. Вопросъ только въ томъ, видите-ли, кто созоветъ это Учредительное Собраніе. Возможенъ троякій отвѣтъ: 1) теперешнее, т. е. на дѣлѣ самодержа-

ное правительство; 2) временное революціонное правительство и 3) Государственная Дума, какъ «власть, конкуррирующая съ властью». И вотъ, кадеты отвергаютъ оба первые исхода — на самодержавное правительство они не надѣются, а въ успѣхъ возстанія не вѣрятъ. За то третій исходъ кадеты принимаютъ. Они именно потому и зовутъ въ Думу, что это лучшій, вѣрнѣйшій и проч. и пр. способъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Запомните хорошенечко этотъ выводъ, господа! Кадетская партія, партія «народной свободы», обѣщала народу воспользоваться «властью, конкуррирующей съ властью», воспользоваться преобладаніемъ своимъ въ Государственной Думѣ (если народъ поможетъ ей добиться такого преобладанія) для созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Это—историческій фактъ. Это—важное обѣщаніе. Это первая провѣрка того, какъ будетъ служить народной свободѣ безъ кавычекъ партія «народной свободы» въ кавычкахъ.

Въ теперешнихъ газетахъ кадетской партіи (а къ этой партіи, повторяемъ, фактически примкнули почти всѣ либеральные органы, въ томъ числѣ Русь, Наша Жизнь и т. п.) вы уже не встрѣтите такого обѣщанія. Говорятъ развѣ объ «учредительныхъ функціяхъ» Думы, но уже не о созывѣ Думой всенароднаго учредительнаго собранія. По мѣрѣ приближенія того времени, когда обѣщанія должны подкрѣпляться выполненіемъ ихъ, дѣлается уже шагъ назадъ, готовится уже лазейка.

Или, можетъ быть, все дѣло въ томъ, что свирѣпые законы мѣшаютъ теперь говорить прямо объ учредительномъ собраніи? Не такъ ли, господа? Вѣдь въ Думѣ, гдѣ ваши депутаты будутъ пользоваться, по закону, свободой слова, вы заговорите снова полнымъ голосомъ, вы потребуете, созыва..... что я говорю?... вы созовете всенародное учредительное собраніе?.

Поживемъ—увидимъ. И не забудемъ обѣщанія кадетовъ созвать чрезъ посредство Думы всенародное учредительное собраніе.

Кадетскія газеты такъ и пестрятъ теперь заявленіями о томъ, что они, кадеты, будутъ «правительствомъ», что у нихъ будетъ «власть» и проч. и т. п. Въ часъ добрый, господа! Чѣмъ скорѣе у васъ будетъ большинство въ Думѣ, тѣмъ скорѣе наступитъ время, когда ваши векселя будутъ предъявлены къ уплатѣ. Вотъ кадетская газета Русь, привѣтствуя питерскую побѣду партіи «народной свободы, помѣщаетъ въ номерѣ отъ 22 марта горячую статью:

«Съ народомъ или противъ него»? О созывѣ всенароднаго учредительнаго собранія Думой здѣсь прямо не говорится. Но, несмотря на этотъ шагъ назадъ отъ данныхъ кадетами обѣщаній, остается все же не мало хорошихъ кадетскихъ перспективъ:

«Главное назначеніе собирающейся теперь Думы и партіи народной свободы въ ней,—быть бичемъ народнаго гнѣва.

Изгнавъ и отдавъ подъ судъ преступныхъ членовъ правительства, ей придется заняться лишь неотложными мѣрами, а затѣмъ созвать настоящую Думу—на болѣе широкихъ основаніяхъ, представительницу всего народа», (т. е. созвать учредительное собраніе?).

«Въ этомъ несомнѣнная задача Думы, т. е. та задача, которую возлагаетъ на нее теперь самъ народъ».

Такъ. Такъ. Изгнать правительство. Отдать подъ судъ правительство. Созвать настоящую Думу.

Хорошо пишетъ газета «Русь». Хорошо говорятъ кадеты. Удивительно красиво говорятъ кадеты. Нехорошо только, что закрываютъ ихъ газеты за эти хорошія слова....

Запомнимъ же, господа, это новое обѣщеніе, данное на другой день послѣ питерскихъ выборовъ, запомнимъ его хорошенько. Кадеты идутъ въ Думу, чтобы прогнать правительство, чтобы отдать подъ судъ правительство, чтобы созвать настоящую Думу.

Отъ кадетскихъ обѣщаній насчетъ Думы перейдемъ теперь къ правительственнымъ «видамъ» насчетъ кадетской Думы. Конечно, знать въ точности этихъ «видовъ» никому не дано, но нѣкоторый матеріалъ для сужденія объ этомъ имѣется, даже у тѣхъ же самыхъ оптимистскихъ кадетскихъ газетъ. Вотъ, напр., относительно займа во Франціи получаются все болѣе увѣренныя сообщенія, что этотъ заемъ дѣло рѣшенное, что состоится онъ до Думы. Правительство будетъ, конечно, еще менѣе зависимо отъ Думы.

Далѣе, относительно перспективъ министерства Витте-Дурново та же газета «Русь» (или «Молва») въ цитированной выше статьѣ предлагаетъ правительству «идти вмѣстѣ съ народомъ, т. е. съ Думой». Какъ видите, «изгнаніе преступныхъ членовъ правительства» понимается собственно лишь въ смыслѣ извѣстной перемѣны лицъ. Какой перемѣны, видно изъ слѣдующихъ словъ газеты:

«Теперь даже для самой реакціи было бы самымъ выгоднымъ министерство такого дѣятеля, какъ Д. Н Шиповъ. Оно одно могло бы предотвратить конечное столкновеніе правительства и общества

въ Думѣ». Но мы идемъ «худшимъ шансомъ», замѣчаетъ газета, ожидая образованія чисто чиновничьяго министерства. «Тутъ доказывать нечего — говоритъ «Молва» — ясно до очевидности всѣмъ, что если правительство не собирается лишить значенія Думы, то оно должно, оно обязано немедленно дать отставку Дурново, Витте и Акимову. И такъ же ясно, что если это не дѣлается, если это не будетъ сдѣлано, то это лишь означаетъ, что жандармская политика «обузданія и пресѣченія» собирается быть примѣненной и по отношенію народныхъ представителей и противъ Государственной Думы. А для этого, конечно, годнѣе всего уже и безъ того по локоть запачканныя въ народной крови руки. Совершенно ясно: если г. Дурново остается при оппозиціонной Думѣ, то только для того, чтобы разгонять ее. Другого смысла нѣтъ и быть не можетъ. Это понимаютъ всѣ. Понимаетъ и биржа и заграница». «Противодѣйствовать» Думѣ значитъ «пустить государственный корабль въ такую бурную пучину» и т. д. и т. д.

Наконецъ, для полноты картины приведемъ еще слѣдующее сообщеніе кадетской «Нашей Жизни» отъ 21 марта насчетъ «бюрократическихъ сферъ», относительно которыхъ эта газета старается въ особенности тщательно освѣдомлять читателя:

«Все возрастающій успѣхъ к.-д. партіи обратилъ на себя вниманіе сферъ. Вначалѣ этотъ успѣхъ произвелъ было нѣкоторое смущеніе, но въ настоящее время къ этому относятся вполнѣ спокойно. Въ воскресенье по этому вопросу состоялось частное совѣщаніе высшихъ представителей правительства, на которомъ выяснялось это отношеніе и кромѣ того намѣчена была, такъ сказать, тактика. Между прочимъ, были высказаны весьма характерныя соображенія. По мнѣнію нѣкоторыхъ, успѣхъ к.-д. правительству прямо выгоденъ: ибо, если въ Думу пройдутъ правые элементы, то это только съиграло бы въ руку крайнимъ группамъ, которыя получили бы возможность, ссылаясь на составъ, пропагандировать противъ Думы и указывать, что она искусственно подобрана въ реакціонномъ составѣ; общество въ массахъ отнесется съ тѣмъ большимъ уваженіемъ къ Думѣ, чѣмъ больше тамъ будетъ представителей к.-д. партіи. Что же касается тактики по отношенію къ Думѣ, то большинство придерживается того мнѣнія, что опасаться какихъ нибудь «сюрпризовъ» нѣтъ основаній, «при тѣхъ рамкахъ, въ которыя поставлена Дума», какъ откровенно замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Въ виду этого большинство полагаетъ отнюдь не препят-

ствовать будущимъ членамъ Думы, «даже еслибъ они стали критиковать отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ». Этого ожидаютъ очень многіе, и общее мнѣніе бюрократовъ въ данномъ отношеніи сводится къ тому, что «пусть поговорятъ»; «потребуютъ привлеченія къ суду; быть можетъ, дадутъ дѣлу ходъ и т. д.; а потомъ имъ самимъ надоѣстъ; что изъ этихъ дѣлъ выйдетъ, — еще видно будетъ, а пока что члены должны же будутъ заниматься вопросами страны — и все войдетъ въ норму. Если же члены вздумаютъ выражать недовѣріе правительству, то это тоже не имѣетъ значенія; въ концѣ концовъ вѣдь министры назначаются не Думой». Эти аргументы, какъ говорятъ. успокоительно подѣйствовали даже на Дурново и Витте, которые въ первое время смутились успѣхами к.-д. партіи.

Итакъ, вотъ передъ вами мнѣнія, взгляды и намѣренія заинтересованныхъ непосредственныхъ участниковъ «дѣла». Съ одной стороны, перспективы борьбы. Кадеты обѣщаютъ прогнать правительство и созвать новую Думу. Правительство собирается разогнать Думу,—и тогда «бурная пучина». Вопросъ, значитъ, въ томъ, кто кого прогонитъ или кто кого разгонитъ. Съ другой стороны, перспективы сдѣлки. Кадеты полагаютъ, что министерство Шипова могло бы предотвратить столкновенія правительства и общества. Правительство полагаетъ: пусть поговорятъ, даже и къ суду коекого можно потянуть, а министровъ вѣдь назначаетъ не Дума. Мы нарочно приводили исключительно мнѣнія самихъ участниковъ гешефта и притомъ исключительно въ ихъ собственныхъ выраженіяхъ, Мы ничего не добавляли отъ себя. Прибавлять значило бы ослаблять впечатлѣніе свидѣтельскихъ показаній. Изъ этихъ показаній сущность кадетской Думы обрисовывается съ великолѣпной наглядностью.

Либо борьба, и тогда бороться будетъ не Дума, а революціонный народъ. Дума надѣется пожать плоды побѣды. Либо сдѣлка, и тогда обманутымъ окажется, во всякомъ случаѣ, народъ, т. е. пролетаріатъ и крестьянство. Объ условіяхъ сдѣлки люди, въ настоящемъ смыслѣ слова дѣловые, не говорятъ раньше времени, и только горячіе «радикалы» иногда пробалтываются: ну вотъ, напримѣръ, замѣна чиновничьяго министерства министерствомъ «честнаго буржуа« Шипова, тогда можно бы сторговаться безобидно для обѣихъ сторонъ..... Тогда очень, очень близко было бы къ осуществленію кадетскаго идеала: первое мѣсто монархіи; второе—помѣщичьей

и фабрикантской верхней палатѣ съ соотвѣтствующимъ ея направленію министерствомъ Шипова; третье мѣсто «народной» Думѣ.

Само собою разумѣется, что эта альтернатива, какъ всякія предположенія относительно соціальнаго и политическаго будущаго, намѣчаетъ только главныя и основныя линіи развитія. Въ дѣйствительной жизни часто наблюдаются рѣшенія смѣшанныя, линіи переплетающіяся,—борьба перемежается съ сдѣлкой, сдѣлка дополняется борьбой. Вотъ г. Милюковъ въ «Рѣчи» (отъ пятницы, 24 марта) такъ, именно такъ, и разсуждаетъ насчетъ перспективъ, опредѣлившейся уже кадетской побѣды: напрасно, дескать, насъ считаютъ и объявляютъ революціонерами. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, господа,—поучаетъ власть имущихъ нашъ «діалектикъ обаятельный»,—вѣдь и Шиповъ былъ до 17 октября «революціонеромъ». Захотите вы идти съ нами на сдѣлку по-божески, по хорошему, ну тогда реформа, а не революція. Не захотите, ну тогда придется, вѣроятно, оказать на васъ нѣкоторое давленіе снизу, немножечко подпустить революціи, припугнуть васъ, ослабить васъ какимъ-нибудь ударомъ революціоннаго народа, вы станете тогда податливѣе,—анъ, глядишь, сдѣлка будетъ для насъ выгоднѣе.

Элементы задачи, слѣдовательно, таковы. У власти стоитъ правительство, которому завѣдомо не довѣряетъ широкая масса буржуазіи, которое ненавидятъ рабочіе и состоятельные крестьяне. У правительства громадныя орудія силы въ рукахъ. Слабый пунктъ одинъ—деньги. Да и то неизвѣстно: можетъ быть, еще удастся раздобыть заемъ до Думы. Противъ правительства стоитъ, согласно нашему предположенію, кадетская дума. Чего она хочетъ? Ея цѣна «съ запросомъ» извѣстна: это кадетская программа, монархія и верхняя палата съ демократической нижней палатой. Ея цѣна безъ запроса?—неизвѣстна. Ну, что-нибудь въ родѣ министерства Шипова что-ли... Онъ, правда, противъ прямого избирательнаго права, ну какъ-нибудь, все же честный человѣкъ... сошлись бы, вѣроятно. Ея средства борьбы: отказъ давать деньги. Средство ненадежное, ибо, во 1-хъ, деньги, пожалуй, будутъ и безъ Думы, а, во 2-хъ, по закону права Думы насчетъ финансоваго контроля самыя убогія. Другое средство: «чтобы они стрѣляли»—помните, какъ Катковъ изображалъ отношеніе либераловъ къ правительству: уступи, а не то «они» будутъ стрѣлять. Но во времена Каткова «они» были кучкой героевъ, которые не могли ничего сдѣлать, кромѣ убійства отдѣльныхъ лицъ. Теперь «они»—это вся масса пролетаріата, по-

казавшаго въ октябрѣ способность къ поразительно единодушному всероссійскому выступленію, показавшаго въ декабрѣ способность къ вооруженной упорной борьбѣ. «Они» теперь уже и крестьянская масса, которая показала способность къ революціонной борьбѣ въ разрозненной, несознательной, неединодушной формѣ, но въ этой массѣ растетъ число сознательныхъ, которые способны, при подходящихъ условіяхъ, при малѣйшемъ дуновеніи свободнаго вѣтерка (нынче отъ сквозняковъ такъ трудно уберечься!) повести за собой милліоны. «Они» могутъ уже не то, что министровъ убить. «Они» могутъ смести до чиста и монархію, и всякіе намеки на верхнюю палату, и все помѣщичье землевладѣніе, и даже постоянную армію. «Они» не только могутъ сдѣлать это, «они» неминуемо сдѣлаютъ это, если ослабнетъ гнетъ военной диктатуры — послѣднее прибѣжище стараго порядка, послѣднее не на основаніи теоретическаго разсчета, а на основаніи пріобрѣтеннаго уже практическаго опыта.

Таковы элементы задачи. Какъ она будетъ рѣшена, этого невозможно предсказать съ абсолютной точностью. Какъ х о т и м ъ ее рѣшать мы, соціальдемократы, какъ б у д у т ъ ее рѣшать всѣ сознательные рабочіе и сознательные крестьяне, это не подлежитъ сомнѣнію: стремиться къ полной побѣдѣ крестьянскаго возстанія и къ завоеванію дѣйствительно демократической республики. Какова б у д е т ъ тактика кадетовъ при такомъ положеніи задачи, какова д о л ж н а б ы т ь эта тактика, независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ лицъ, въ силу объективныхъ условій существованія мелкой буржуазіи въ капиталистическомъ, борющемся за свое освобожденіе, обществѣ?

Тактика кадетовъ неминуемо и неизбѣжно сведется къ тому, чтобы лавировать между самодержавіемъ и побѣдой революціоннаго народа, не давая ни одному противнику рѣшительно и окончательно раздавить другого. Если самодержавіе рѣшительно и окончательно раздавитъ революцію, то кадеты станутъ безсильными, ибо ихъ сила есть сила производная отъ революціи. Если революціонный народъ, т. е. пролетаріатъ и возстающее противъ всего помѣщичьяго землевладѣнія крестьянство, раздавятъ рѣшительно и окончательно самодержавіе, слѣдовательно, сметутъ и монархію и всѣ ея привѣски, то кадеты тоже будутъ безсильны, ибо все жизнеспособное тотчасъ же уйдетъ отъ нихъ на сторону революціи или контръ-революціи, въ партіи же останется парочка Кизе-

веттеровъ, вздыхающихъ о «диктатурѣ» и подыскивающихъ въ латинскихъ словаряхъ значенія подходящихъ латинскихъ словъ. Коротко говоря, тактику кадетовъ можно выразить такъ: обезпечить поддержку кадетской партіи революціоннымъ народомъ. Слово: «поддержка» должно выражать именно такія дѣйствія революціоннаго народа, которыя, во-первыхъ, всецѣло подчинялись бы интересамъ кадетской партіи, ея указаніямъ и т. д., и которыя, во-вторыхъ, не были бы слишкомъ рѣшительными, наступательными, главное, не были слишкомъ сильными дѣйствіями. Революціонный народъ долженъ быть несамостоятеленъ, это разъ, и не долженъ побѣждать окончательно, разгромлять своего врага, это два. Эту тактику неизбѣжно будетъ проводить въ общемъ и цѣломъ, вся кадетская партія и всякая кадетская дума, причемъ, разумѣется, эта тактика будетъ обосновываться, защищаться, оправдываться всѣмъ богатымъ идеологическимъ багажемъ «научныхъ» изслѣдованій *), «философскихъ» туманностей, политическихъ (или политиканскихъ) пошлостей, «литературно-критическихъ» взвизгиваній (a la Бердяевъ) и т. д., и т. д.

Наоборотъ, революціонная соціальдемократія не можетъ въ настоящее время опредѣлять свою тактику положеніемъ: поддержка кадетской партіи и кадетской думы. Такая тактика была бы невѣрна и никуда не годна.

Намъ возразятъ, разумѣется: какъ? вы отрицаете то, что признано и вашей программой и всей международной соціальдемократіей? Поддержку соціальдемократическимъ пролетаріатомъ революціонной и оппозиціонной буржуазной демократіи? Да вѣдь это анархизмъ, утопизмъ, бунтарство, безсмысленный революціонизмъ.

Позвольте, господа. Позвольте прежде всего напомнить вамъ, что передъ нами не общій, не абстрактный вопросъ о поддержкѣ буржуазной демократіи вообще, а конкретный вопросъ о поддержкѣ именно кадетской партіи и именно кадетской думы. Мы не отрицаемъ общаго положенія, но требуемъ особаго анализа условій конкретнаго приложенія этихъ общихъ принциповъ. Абстрактной истины нѣтъ, истина всегда конкретна. Это забываетъ, напримѣръ, Плехановъ, когда выдвигаетъ уже не въ первый разъ и особенно

*) Въ родѣ изслѣдованія г. Кизеветтера, открывшаго, что диктатура значитъ по-латыни усиленная охрана.

подчёркиваетъ тактику: «реакція стремится изолировать насъ. Мы должны стремиться изолировать реакцію». Это вѣрное положеніе, но оно до смѣшного обще: оно относится одинаково и къ Россіи 1870 г., и къ Россіи 1906 года, и къ Россіи вообще, и къ Африкѣ, Америкѣ, Китаю и Индіи. Оно ничего не говоритъ и ничего не даетъ, ибо вся задача въ опредѣленіи того, что такое реакція, и съ кѣмъ именно, какъ именно надо объединиться (или если не объединиться, то согласовать свои дѣйствія), чтобы изолировать реакцію. Плехановъ боится дать конкретное указаніе, а на дѣлѣ, на практикѣ его тактика сводится, какъ мы уже показали, къ избирательнымъ картелямъ между с.-д. и к.-д., къ поддержкѣ кадетовъ соціальдемократіей.

Кадеты противъ реакціи? Я беру цитированный уже мной № 18-ый «Молвы» отъ 22-го марта. Кадеты хотятъ прогнать правительство. Это великолѣпно, это противъ реакціи. Кадеты хотятъ помириться съ самодержавнымъ правительствомъ на министерствѣ Шипова *), это скверно. Это одинъ изъ худшихъ видовъ реакціи. Вы видите, господа: съ абстрактнымъ положеніемъ, съ голой фразой о реакціи вы еще не дѣлаете ни шага впередъ.

Кадеты—буржуазная демократія? Справедливо. Но вѣдь крестьянская масса, которая добивается конфискаціи всѣхъ помѣщичьихъ земель, т. е. того, чего не хотятъ кадеты, есть тоже буржуазная демократія. И формы и содержаніе политической дѣятельности той и другой части буржуазной демократіи различны. Которую же изъ нихъ намъ важнѣе именно сейчасъ поддерживать? Можемъ ли мы, в о о б щ е г о в о р я, въ эпоху демократической революціи поддерживать первую? Не будетъ ли это означать измѣну второй? Или, можетъ быть, вы станете отрицать, что кадеты, готовые поми-

---

*) Мнѣ скажутъ, пожалуй: это ложь. Это просто сболтнула вздоръ болтливая «Молва». Прошу прощенія: по моему, это правда. Болтливая «Молва» выболтала правду,—конечно, приблизительную, не буквально точную правду. Кто рѣшитъ нашъ споръ? Ссылка на кадетскія заявленія? Но я не вѣрю въ политикѣ на слово. Кадетскія дѣла? Да, этому критерію я вѣрю. И кто разсмотритъ все политическое поведеніе кадетовъ въ общемъ и цѣломъ, тотъ долженъ будетъ признать, что сказанное «Молвой» въ основѣ своей есть правда.

риться въ политикѣ на Шиповѣ, способны помириться въ аграрномъ вопросѣ на Кауфманѣ? Вы видите, господа: съ абстрактнымъ положеніемъ, съ голой фразой о буржуазной демократіи вы не дѣлаете еще ни шага впередъ.

— Но кадеты единая, сильная, жизнеспособная, парламентская партія!

Неправда. Кадеты не единая, не сильная, не жизнеспособная и не парламентская партія. Они не едины, ибо за нихъ голосовало много людей, способныхъ на борьбу до конца, а не только на сдѣлку. Они не едины, ибо ихъ соціальная опора внутренне-противорѣчива: отъ демократической мелкой буржуазіи до контръ-революціоннаго помѣщика. Они не сильны, ибо въ качествѣ партіи они не хотятъ и не могутъ участвовать въ той обостренной, открытой гражданской войнѣ, которая разгорѣлась въ Россіи въ концѣ 1905 года и которая имѣетъ всѣ шансы вспыхнуть съ новой энергіей въ недалекомъ будущемъ. Они не жизнеспособны, ибо въ случаѣ даже осуществленія ихъ идеала главенствующей силой въ созданномъ по этому идеалу обществѣ будутъ не они, а «сурьезно» буржуазные Шиповы Гучковы. Они не парламентская партія,, ибо у насъ нѣтъ парламента. У насъ нѣтъ конституціи, а есть только конституціонное самодержавіе, есть только конституціонныя иллюзіи, особенно вредныя въ эпоху обостренной гражданской войны и особенно усердно распространяемыя кадетами.

И здѣсь мы подошли къ центральному пункту вопроса. Особенности современнаго момента русской революціи именно таковы, что объективныя условія выдвигаютъ на авансцену рѣшительную, внѣпарламентскую борьбу за парламентаризмъ, а потому нѣтъ ничего вреднѣе и опаснѣе въ такой моментъ, какъ конституціонныя иллюзіи и игра въ парламентаризмъ. Партіи «парламентской» оппозиціи въ такой моментъ, можетъ быть, опаснѣе и вреднѣе, чѣмъ партіи откровенно и вполнѣ реакціонныя: это положеніе можетъ показаться парадоксомъ только тому, кто совершенно неспособенъ къ діалектическому мышленію. Въ самомъ дѣлѣ: если въ самыхъ широкихъ массахъ народа вполнѣ созрѣло требованіе парламентаризма, если это требованіе опирается также на всю общественно-экономическую вѣковую эволюцію страны, если политическое развитіе подвело вплотную къ осуществленію этого требованія, то что можетъ быть опаснѣе и вреднѣе притворнаго осуществленія его? Откровенный антипарламентаризмъ безопасенъ. Онъ осужденъ на смерть. Онъ

умеръ. Попытки воскресить его оказываютъ лишь самое лучшее воздѣйствіе въ смыслѣ революціонизированія наиболѣе отсталыхъ слоевъ населенія. Единственнымъ возможнымъ способомъ удержать самодержавіе становится «конституціонное самодержавіе», становится созданіе и распространеніе конституціонныхъ иллюзій. Это—единственно правильная, единственно разумная политика самодержавія.

И я утверждаю, что кадеты въ настоящее время больше содѣйствуютъ этой разумной самодержавной политикѣ, чѣмъ «Московскія Вѣд.». Возьмите, напр., споръ между этими послѣдними и либеральной печатью по вопросу о томъ, есть ли Россія конституціонная монархія. Нѣтъ, говорятъ «Московскія Вѣдомости». Да, говорятъ хоромъ кадетскія газеты. Въ этомъ спорѣ «Московскія Вѣдомости» прогрессивны, а кадетскія газеты реакціонны, ибо Московскія Вѣдомости говорятъ правду, разоблачаютъ иллюзію, aussprechen was ist, а кадеты говорятъ ложь,—благонамѣренную, благожелательную, искренне-добросовѣстную, красивую, стройную, научно-прилизанную, кизеветтерски-подкрашенную, салонно-приличную, а все же таки ложь. И нѣтъ ничего опаснѣе, нѣтъ ничего вреднѣе въ данный моментъ борьбы, — по объективнымъ условіямъ этого момента,—какъ подобная ложь.

Маленькое отступленіе. Мнѣ пришлось недавно выступить съ политическимъ рефератомъ въ квартирѣ одного очень просвѣщеннаго и чрезвычайно любезнаго кадета. Поспорили. Представьте себѣ, говорилъ хозяинъ, что передъ нами дикій звѣрь, левъ, а мы двое, отданныхъ на растерзаніе, рабовъ. Умѣстны ли споры между нами? Не обязаны ли мы объединиться для борьбы съ этимъ общимъ врагомъ, «изолировать реакцію», какъ превосходно выражается самый мудрый и самый дальновидный соціальдемократъ, Г. В. Плехановъ? —Примѣръ хорошій, и я его принимаю—отвѣтилъ я. Но какъ быть, если одинъ изъ рабовъ совѣтуетъ запастись оружіемъ и напасть на льва, а другой какъ разъ во время борьбы разсматриваетъ повѣшенный у льва нагрудничекъ съ надписью «конституція», и кричитъ: «я противъ насилія и справа, и слѣва», «я—членъ парламентской партіи, я стою на конституціонной почвѣ». Не могло ли бы оказаться такъ, что львенокъ, выбалтывающій истинныя цѣли льва, оказался при такихъ условіяхъ болѣе полезнымъ просвѣтителемъ массъ и развивателемъ политическаго и классового сознанія, чѣмъ терзаемый львомъ рабъ, распространяющій вѣру въ нагрудничекъ?

Въ томъ-то вся и суть, что при ходячихъ разсужденіяхъ о поддержкѣ соціальдемократіей буржуазной демократіи слишкомъ часто забываютъ изъ-за общихъ, абстрактныхъ положеній особенности конкретнаго момента, когда назрѣваетъ рѣшительная борьба за парламентаризмъ и когда однимъ изъ орудій борьбы противъ парламентаризма является со стороны самодержавнаго правительства игра въ парламентаризмъ. При такихъ условіяхъ, когда еще предстоитъ окончательная внѣ-парламентская битва, ставить задачей рабочей партіи поддержку партіи парламентскихъ соглашателей, партіи конституціонныхъ иллюзій было бы прямо роковой ошибкой, если не преступленіемъ передъ пролетаріатомъ.

Представимъ себѣ, что мы имѣемъ въ Россіи установившійся парламентскій строй. Это значило бы, что парламентъ сталъ уже главной формой господства правящихъ классовъ и силъ, сталъ уже главной ареной борьбы соціально-политическихъ интересовъ. Революціоннаго движенія въ непосредственномъ значеніи этого слова нѣтъ на лицо, условія экономическія и прочія не порождаютъ революціонныхъ взрывовъ въ данный, т. е. предполагаемый нами моментъ. Никакія революціонныя декламаціи при такихъ условіяхъ, конечно, не въ силахъ были бы «вызвать» революціи. Отказъ отъ парламентской борьбы былъ бы при такихъ условіяхъ совершенно непозволителенъ для соціальдемократіи. Рабочая партія должна бы была самымъ серьезнымъ образомъ взяться за парламентаризмъ, участвовать въ выборахъ въ «Думу» и въ самой «Думѣ», подчинить всю свою тактику условіямъ образованія и успѣшнаго функціонированія парламентской соціальдемократической партіи. Тогда поддержка партіи кадетовъ въ парламентѣ противъ всѣхъ правѣе стоящихъ партій была бы безусловной нашей обязанностью. Тогда бы и противъ избирательныхъ соглашеній съ этой партіей при совмѣстныхъ выборахъ, скажемъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ (при непрямыхъ выборахъ), нельзя было бы возражать безусловно. Мало того. Тогда даже поддержка шиповцевъ соціальдемократами въ парламентѣ противъ настоящихъ и безпардонныхъ реакціонеровъ была бы нашей обязанностью: реакція стремится изолировать насъ, — сказали бы тогда, — мы должны стремиться изолировать реакцію.

Теперь же въ Россіи и рѣчи быть не можетъ о наличности установившагося, общепризнаннаго, дѣйствительнаго парламентскаго режима. Теперь въ Россіи главной формою господства правящихъ

классовъ и соціальныхъ силъ завѣдомо является непарламентская форма, главной ареной борьбы соціально-политическихъ интересовъ завѣдомо является не парламентъ. При такихъ условіяхъ поддержка партіи парламентскихъ соглашателей была бы самоубійствомъ рабочей партіи,—и наоборотъ, поддержка буржуазной демократіи, дѣйствующей не-парламентски, хотя бы стихійно, разрозненно, несознательно (въ родѣ крестьянскихъ вспышекъ) выдвигается на первый планъ, становится серьезнымъ настоящимъ дѣломъ, которому должно быть подчинено все остальное... Возстаніе при такихъ соціально-политическихъ условіяхъ есть реальность; парламентаризмъ есть игрушка, несущественное поприще борьбы, — приманка гораздо болѣе, чѣмъ дѣйствительная уступка. Дѣло, значитъ, совсѣмъ не въ томъ, чтобы мы отрицали или недооцѣнивали парламентаризмъ, и общими фразами насчетъ парламентаризма наша позиція ничуть не затрогивается. Дѣло въ конкретной обстановкѣ именно даннаго момента демократической революціи, когда соглашатели буржуазіи, когда либеральные монархисты, не отрицая сами возможности того, что Дурново просто разгонитъ Думу или что законъ окончательно сведетъ эту Думу къ нулю, объявляетъ тѣмъ не менѣе парламентаризмъ серьезнымъ дѣломъ, а возстаніе—утопіей, анархизмомъ, бунтарствомъ, безсильнымъ революціонаризмомъ и какъ тамъ говорятъ всѣ эти Кизеветтеры, Милюковы, Струве, Изгоевы и прочіе герои мѣщанства.

Представьте себѣ, что соціальдемократическая партія приняла участіе въ выборахъ въ Думу. Проведено извѣстное число соц.-дем. выборщиковъ. Чтобы не дать побѣдить черносотенцамъ, приходится (разъ уже влѣзъ въ эту нелѣпую комедію выборовъ) поддерживать кадетовъ. Партія с.-д. заключаетъ избирательное соглашеніе съ к.-д. Извѣстное число с.-д. проходитъ при помощи к.-д. въ Думу. Спрашивается, стоила ли бы овчинка выдѣлки? выиграли ли бы мы или проиграли при этомъ? Во-первыхъ, широко освѣдомить массы объ условіяхъ и характерѣ нашихъ избирательныхъ соглашеній съ к.-д. съ соціальдемократической точки зрѣнія мы не могли бы. Кадетскія газеты въ сотняхъ тысячахъ и милліонахъ экземпляровъ разнесли бы буржуазную ложь и буржуазное извращеніе классовыхъ задачъ пролетаріата. Наши листочки, наши оговорочки въ отдѣльныхъ заявленіяхъ были бы каплей въ морѣ. Мы окказались бы на дѣлѣ именно безгласнымъ придаткомъ кадетовъ. Во-вторыхъ, вступая въ соглашеніе, мы несомнѣнно, молчаливо или открыто и

формально,—это все ровно,—взяли бы на себя передъ пролетаріатомъ, извѣстную отвѣтственность за кадетовъ, за то, что они лучше всѣхъ остальныхъ, за то, что ихъ кадетская дума поможетъ народу, за всю ихъ кадетскую политику. Сумѣли ли бы мы послѣдующими «заявленіями» снять съ себя отвѣтственность за тѣ или иные кадетскіе шаги, это еще вопросъ, да и заявленія остались бы заявленіями, а фактъ избирательнаго соглашенія былъ бы уже на лицо. А развѣ мы имѣемъ основаніи хоть сколько-нибудь, хоть косвенно поручиться предъ пролетаріатомъ и передъ крестьянской массой за кадетовъ? Развѣ не дали намъ кадеты тысячи доказательствъ своего сходства именно съ тѣми нѣмецкими кадетскими профессорами, именно съ тѣми «франкфуртскими фразерами», которые не то, что Думу, а даже національное учредительное собраніе сумѣли превратить изъ орудія развитія революціи въ орудіе притупленія революціи, придушенія (моральнаго) революціи? Поддержка кадетской партіи была бы ошибкой со стороны соціальдемократіи, и наша партія хорошо сдѣлала, что бойкотировала выборы въ Думу.

Поддержка кадетской партіи и теперь не можетъ быть задачей соціальдемократіи. Поддерживать кадетскую Думу мы не можемъ. Соглашатели и перебѣжчики во время войны могутъ быть даже опаснѣе непріятеля. Шиповъ по крайней мѣрѣ не называетъ себя «демократомъ» и за нимъ не пойдетъ «мужичекъ», желающій «народной свободы». А если партія «народной свободы», заключивъ тотъ или иной договоръ о взаимной поддержкѣ к.-д. и с.-д., заключила бы затѣмъ сдѣлку съ самодержавіемъ о замѣнѣ учредительнаго собранія министерствомъ того же Шипова,—или свела бы свою «дѣятельность» къ звонкимъ рѣчамъ и велерѣчивымъ резолюціямъ, то мы оказались бы въ самомъ фальшивомъ положеніи.

Ставить задачей рабочей партіи въ настоящій моментъ поддержку кадетовъ — это было бы все равно, какъ если бы задачей пара объявили не двигать пароходную машину, а поддерживать возможность давать пароходные свистки. Будетъ паръ въ котлахъ,—будутъ свистѣть и свистки. Будетъ сила у революціи,—будутъ свистѣть и кадеты. Свистки поддѣлать можно, и въ исторіи борьбы за парламентаризмъ много разъ буржуазные предатели народной свободы поддѣлывали свистки и водили за носъ простодушныхъ людей, довѣрявшихся всякимъ «первымъ представительнымъ собраніямъ».

Наша задача — не поддержка кадетской Думы, а использованіэ конфликтовъ внутри этой Думы и связанныхъ съ этой Думой для выбора наилучшаго момента нападенія на врага, возстанія противъ самодержавія. Сообразоваться съ тѣмъ, какъ растетъ политическій кризисъ въ Думѣ и около Думы, мы должны. Для учета общественнаго настроенія, для болѣе правильнаго и точнаго опредѣленія «момента кипѣнія» вся эта думская кампанія должна имѣть для насъ огромное значеніе, но значеніе симптома, а не реальнаго поля борьбы. Не кадетскую Думу будемъ мы поддерживать, не съ кадетской партіей должны мы считаться, а съ тѣми элементами городской мелкой буржуазіи и особенно крестьянства, которые, подавъ голоса за кадетовъ, неизбѣжно начнутъ разочаровываться въ нихъ и настраиваться на боевой ладъ,—и это тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе побѣдятъ кадеты въ Думѣ. Наша задача—использовать въ интересахъ организаціи рабочихъ, въ интересахъ разоблаченія конституціонныхъ иллюзій, въ интересахъ подготовки военнаго наступленія всю ту отсрочку, которую даетъ намъ оппозиціонная Дума намъ очень выгодна отсрочка въ виду того, что пролетаріатъ долженъ хорошенько собраться съ силами). Наша задача — быть на своемъ посту въ тотъ моментъ, когда думская комедія разразится въ новый великій политическій кризисъ, и своей цѣлью мы поставимъ тогда не поддержку кадетовъ (въ лучшемъ случаѣ они будутъ только слабымъ рупоромъ революціоннаго народа), а сверженіе самодержавнаго правительства и переходъ власти въ руки революціоннаго народа. Если пролетаріатъ и крестьянство побѣдятъ въ возстаніи, тогда кадетская Дума въ нѣсколько минутъ подмахнетъ бумажку о присоединеніи ея къ манифесту революціоннаго правительства, созывающаго всенародное учредительное собраніе. Если возстаніе будетъ подавлено, — истощенный борьбой побѣдитель, можетъ быть, окажется вынужденнымъ подѣлиться доброй половиной власти съ кадетской Думой, которая усядется за пирогъ и приметъ резолюцію сожалѣнія по поводу «безумства» вооруженнаго возстанія въ такой моментъ, когда дѣйствительное конституціонное устройство было, дескать, такъ возможно, такъ близко. . . Были бы трупы, а черви всегда найдутся.

V.

Для оцѣнки побѣдъ кадетовъ и задачъ рабочей партіи въ настоящій моментъ громадную важность представляетъ анализъ предъидущаго періода русской революціи въ его взаимоотношеніи къ періоду настоящему. Опубликованные проекты тактическихъ резолюцій большинства и меньшинства опредѣляютъ двѣ линіи, два направленія мысли, связанныя съ различными способами этой оцѣнки. Отсылая читателя къ этимъ резолюціямъ, мы намѣрены остановиться здѣсь на одной статьѣ въ кадетской газетѣ: «Наша Жизнь». Эта статья, написанная по поводу первой меньшевистской резолюціи, даетъ чрезвычайно много матеріала для провѣрки, дополненія и разъясненія сказаннаго нами выше о кадетской Думѣ. Мы приведемъ поэтому цѣликомъ эту статью (Р. Бланкъ; Къ злобамъ дня русской соціальдемократіи», «Наша Жизнь», 1906 года, № 401, отъ 23-го марта):

«Резолюція «меньшевистской» фракціи рос. соціальдемократической рабочей партіи о партійной тактикѣ, опубликованная на дняхъ, представляетъ весьма цѣнный документъ. Она свидѣтельствуетъ, что тяжелые уроки перваго періода русской революціи не прошли безслѣдно для наиболѣе чуткой къ требованіямъ дѣйствительности и наиболѣе проникнутой принципами научнаго соціализма части русской соціальдемократіи. Новая тактика. формулированная въ этой резолюціи, стремится направить русское соціальдемократическое движеніе на тотъ путь, по которому движется вся интернаціональная соціальдемократія во главѣ съ великой соціальдемократической партіей Германіи. Я говорю «новая тактика»; это не совсѣмъ точно потому что эта тактика во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою возвратъ къ старымъ принципамъ, положеннымъ при самомъ основаніи русской соціальдемократіи ея учредителями и много разъ развивавшимся послѣ того ея теоретиками и публицистами, признававшимися почти всѣми русскими соціальдемократами до самаго начала русской революціи. Но они были забыты. Революціонный

вихрь поднялъ всю нашу соціальдемократію, какъ легкое перышко и понесъ ее съ собою съ головокружительной быстротой; моментально исчезли изъ виду всѣ соціальдемократическіе и марксистскіе принципы и идеи, съ такимъ усердіемъ и преданностью разрабатывавшіеся въ теченіе четверти вѣка, какъ будто бы это была лишь легкая пыль, лежавшая тонкимъ слоемъ на поверхности; самые устои соціальдемократическаго міросозерцанія были потрясены до самаго основанія и, казалось, даже были вырваны съ корнемъ.

«Но вихрь покружился и успокоился на томъ же мѣстѣ, и соціальдемократія вернулась къ своему исходному пункту. О силѣ вихря можно судить по тому, что онъ даже Парвуса, какъ онъ самъ признаетъ, увлекъ за собою; кто знаетъ Парвуса и какъ трудно его поднять, пойметъ, что это значитъ... «Революціонный потокъ насъ неудержимо рвалъ впередъ», говоритъ Парвусъ въ своей извѣстной брошюрѣ. «Мы были только тѣ струны арфы, на которыхъ игралъ ураганъ революціи», замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же брошюры; это также совершенно вѣрно и вполнѣ объясняетъ, почему соціальдемократическая музыка въ это время такъ мало напоминала симфоніи Бетховена, Баха, или — Маркса. Всѣ теоріи и принципы и даже сама мысль и простой разумъ отступаютъ на задній планъ, почти исчезаютъ за кулисами, когда на сцену выходитъ сама стихія во всемогуществѣ элементарныхъ силъ.

«Но теперь снова наступила очередь мысли и разума и можно в е р н у т ь с я къ сознательной, планомѣрной, систематической дѣятельности. Первымъ дѣломъ при этомъ, очевидно, должно быть принятіе предупредительныхъ мѣръ противъ повторенія того, что произошло въ первый періодъ русской революціи, въ ея «Sturm und Drang Zeit», т. е. противъ разрушительныхъ дѣйствій революціонныхъ потоковъ и урагановъ. Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ для этого можетъ быть только расширеніе и укрѣпленіе организаціи; вполнѣ естественно поэтому, что фракція «меньшевиковъ» выдвигаетъ эту задачу на первый планъ и даетъ ей широкую формулировку, включивъ въ свою программу также и экономическія организаціи и признавъ необходимость использовать всѣ легальныя возможности. Резолюція свободна отъ романтическаго презрѣнія къ «легальности» и аристократическаго пренебреженія къ «экономикѣ».

«Столь же трезво резолюція относится къ вопросу о взаим-

ныхъ отношеніяхъ между рабочей и буржуазной демократіей, вполнѣ признавая необходимость взаимной поддержки и опасность изолированнаго выступленія пролетаріата на рѣшительную борьбу съ вооруженной реакціей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ отношеніе резолюціи къ вопросу о вооруженномъ возстаніи; она признаетъ необходимымъ «избѣгать такого рода дѣйствій, которыя втягиваютъ прелетаріатъ въ вооруженныя столкновенія съ правительствомъ, при такихъ условіяхъ, когда онъ обреченъ остаться въ этой борьбѣ изолированнымъ».

«Только такимъ образомъ можно избѣжать у насъ повторенія парижскихъ іюньскихъ дней 1848 года и сдѣлать возможной координированную, если не коалиціонную, борьбу рабочей и буржуазной демократіи, безъ которой успѣхъ движенія невозможенъ. Буржуазная демократія, имѣющая, по свидѣтельству Карла Маркса, «самое высокое значеніе во всякой передовой революціи», имѣетъ не меньшее значеніе и въ россійской революціи. Если россійская соціальдемократическая партія не можетъ, или не хочетъ, сдѣлать изъ нея своего открытаго союзника, то она во всякомъ случаѣ не должна толкать ее въ противоположный лагерь, въ реакцію, въ контръ-революцію. Этого революціонная соціальдемократія не должна, не въ правѣ дѣлать, о б я з а н а избѣгать всѣми средствами, ради дѣла освобожденія и ради самой соціальдемократіи. И если буржуазная демократія въ настоящій моментъ противъ вооруженнаго возстанія, то о немъ не можетъ и не должно быть рѣчи. Съ этимъ необходимо считаться, даже если бы буржуазія подчинялась при этомъ единственно только свойственной ей дряблости, слабости и трусости, — съ такими фактами также необходимо считаться; но не говорилъ ли самъ вождь германской революціонной соціальдемократіи:

«In der Gewalt sind sie uns stets über» «Въ отношеніи грубой силы они, т. е. реакціонеры, всегда насъ превосходятъ»!

«Можетъ быть, утвержденіе «всегда» и невѣрно, но относительно «теперь» во всякомъ случаѣ можно быть мнѣнія Либкнехта и единодушной съ нимъ германской соціалдемократіи, не будучи трусомъ или даже только «дряблымъ»... Резолюція «меньшевиковъ» стоитъ, повидимому, на этой же точкѣ зрѣнія, по меньшей мѣрѣ — близко къ ней подходитъ; точно также она и въ другихъ отношеніяхъ проникнута тѣмъ духомъ политическаго реализма, который состав-

ляетъ отличительную черту германской соціалдемократіи и которомъ послѣдняя обязана своими безпримѣрными успѣхами.

«Присоединится-ли вся россійская соціалдемократическая партія къ резолюціи «меньшевиковъ»? Отъ этого много зависитъ въ нашемъ революціонномъ движеніи, и еще больше въ нашемъ соціалдемократическомъ движеніи,—можетъ быть вся судьба этого движенія на много лѣтъ. Соціалдемократія и въ Россіи, точно такъ же какъ это было въ другихъ странахъ, только тогда можетъ укорениться и укрѣпиться, когда она проникнетъ въ глубь демократической массы. Если же она ограничится культурой одного верхняго, хотя бы и самаго плодороднаго, слоя демократіи, то новый ураганъ легко можетъ вырвать ее съ корнями изъ русской почвы, какъ это случилось съ французской соціалдемократіей 48-го года, или съ англійскимъ соціалдемократическимъ движеніемъ сороковыхъ годовъ, извѣстнымъ подъ именемъ «чартистскаго движенія».

Такова статья господина Бланка. Типичнѣйшія сужденія «кадета», знакомыя во всѣхъ исходныхъ своихъ пунктахъ каждому, кто внимательно читалъ «Освобожденіе» г-на Струве и позднѣйшую легальную кадетскую печать, скомбинированы здѣсь такъ, что оцѣнка теперешней политической тактики основывается на оцѣнкѣ пережитаго періода русской революціи. На этой о ц ѣ н к ѣ п р о ш л а г о, на ея правильности или неправильности, мы прежде всего и остановимся.

Господинъ Бланкъ сопоставляетъ два періода русской революціи: первый обнимаетъ, примѣрно, октябрь—декабрь 1905 года. Это періодъ революціоннаго вихря. Второй—теперешній періодъ, который мы, конечно, вправѣ назвать періодомъ кадетскихъ побѣдъ на выборахъ въ Думу или, пожалуй, если рискнуть забѣжать впередъ, періодомъ кадетской Думы.

Про этотъ періодъ господинъ Бланкъ говоритъ, что наступила снова очередь мысли и разума, и можно вернуться къ сознательной, планомѣрной, систематической дѣятельности. Первый же періодъ господинъ Бланкъ характеризуетъ, наоборотъ, какъ періодъ расхожденія теоріи и практики. Исчезли всѣ соціалдемократическіе принципы и идеи, была забыта тактика, всегда проповѣдывавшаяся учредителями русской соціалдемократіи, были даже вырваны съ корнемъ самые устои соціалдемократическаго міросозерцанія.

Это основное утвержденіе г-на Бланка — чисто фактическаго характера. Вся теорія марксизма разошлась съ «практикой» періода революціоннаго вихря.

Такъ-ли это? Каковъ первый и главный «устой» марксистской теоріи? Тотъ, что единственнымъ до конца революціоннымъ классомъ современнаго общества и потому передовымъ во всякой революціи является пролетаріатъ. Спрашивается, не вырвалъ-ли съ корнемъ революціонный вихрь этого «устоя» с.-д. міросозерцанія? Наоборотъ, вихрь подтвердилъ его самымъ блистательнымъ образомъ. Именно пролетаріатъ и былъ главнымъ, почти единственнымъ въ началѣ борцомъ этого періода. Чуть ли не впервые въ міровой исторіи буржуазная революція ознаменовалась крупнѣйшимъ, невиданнымъ даже въ болѣе развитыхъ капиталистическихъ странахъ, примѣненіемъ чисто пролетарскаго орудія борьбы: массовой политической стачки. Пролетаріатъ пошелъ на борьбу, непосредственно революціонную, въ такое время, когда господа Струве и господа Бланки звали идти въ Булыгинскую Думу, когда кадетскіе профессора звали студентовъ учиться. Пролетаріатъ своимъ пролетарскимъ орудіемъ борьбы завоевалъ Россіи всю ту, съ позволенія сказать, «конституцію», которую съ тѣхъ поръ только портили, урѣзывали и обкарнывали. Пролетаріатъ примѣнилъ въ октябрѣ 1905 года тотъ тактическій пріемъ борьбы, о которомъ за полгода говорила резолюція большевистскаго 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П., обращавшая усиленное вниманіе на важность сочетанія массовой политической стачки съ возстаніемъ;—именно этимъ сочетаніемъ и характеризуется весь періодъ «революціоннаго вихря», вся послѣдняя четверть 1905 года. Такимъ образомъ, нашъ идеологъ мелкой буржуазіи извратилъ дѣйствительность самымъ беззастѣнчивымъ, самымъ вопіющимъ образомъ. Онъ не указалъ ни единаго факта, свидѣтельствующаго о расхожденіи марксистской теоріи и практическаго опыта «революціоннаго вихря»; онъ попытался затушевать основную черту этого вихря, давшую блистательнѣйшее подтвержденіе «всѣхъ соціалдемократическихъ принциповъ и идей», «всѣхъ устоевъ соціалдемократическаго міросозерцанія».

ОТСТУПЛЕНІЕ.

Общедоступная бесѣда съ кадетскими публицистами и учеными профессорами.

Какова, однако, дѣйствительная причина, побудившая г—на Бланка придти къ этому чудовищно-невѣрному мнѣнію, будто въ періодъ «вихря» исчезли всѣ марксистскіе принципы и идеи? Разсмотрѣніе этого обстоятельства очень интересно: оно разоблачаетъ передъ нами еще и еще разъ истинную природу мѣщанства въ политикѣ.

Въ чемъ состояло главное отличіе періода «революціоннаго вихря» отъ теперешняго, «кадетскаго», періода съ точки зрѣнія различныхъ пріемовъ политической дѣятельности? съ точки зрѣнія разныхъ методовъ историческаго творчества народа? Прежде всего и главнымъ образомъ въ томъ, что въ періодъ «вихря» примѣнялись нѣкоторые особые методы этого творчества, чуждые инымъ періодамъ политической жизни. Вотъ наиболѣе существенные изъ этихъ методовъ»: 1) «захватъ» народомъ политической свободы,—осуществленіе ея безъ всякихъ правъ и законовъ и безъ всякихъ ограниченій (свобода собраній хотя бы въ университетахъ, свобода печати, союзовъ, съѣздовъ и т. д.); 2) созданіе новыхъ органовъ революціонной власти,—совѣты рабочихъ, солдатскихъ, желѣзнодорожныхъ, крестьянскихъ депутатовъ, новыя сельскія и городскія власти и проч. и т. п. Эти органы создавались исключительно революціонными слоями населенія, они создавались внѣ всякихъ законовъ и нормъ всецѣло революціоннымъ путемъ, какъ продуктъ самобытнаго народнаго творчества, какъ проявленіе самодѣятельности народа, избавившагося или избавляющагося отъ старыхъ полицейскихъ путъ. Это были, наконецъ, именно органы власти, несмотря на всю ихъ зачаточность, стихійность, несформленность, расплывчатость въ составѣ и въ функціонированіи. Они дѣйствовали, какъ власть, захватывая, напр., типографіи (Петербургъ), арестуя чиновъ полиціи, препятство-

вавшихъ революціонному народу осуществлять свои права (примѣры бывали тоже въ Петербургѣ, гдѣ соотвѣтствующій органъ новой власти былъ наиболѣе слабъ, а старая власть наиболѣе сильна). Они дѣйствовали, какъ власть, обращаясь ко всему народу съ призывомъ не давать денегъ старому правительству. Они конфисковывали деньги стараго правительства (желѣзнодорожные стачечные комитеты на югѣ) и обращали ихъ на нужды новаго, народнаго, правительства,—да, это были, несомнѣнно, зародыши новаго, народнаго, или, если хотите, революціоннаго правительства. По своему соціально-политическому характеру, это была, въ зачаткѣ, диктатура революціонныхъ элементовъ народа,—вы удивляетесь, г. Бланкъ и г. Кизеветтеръ? вы не видите здѣсь «усиленной охраны», равнозначущей для буржуа съ диктатурой? Мы уже говорили вамъ, что вы не имѣете никакого представленія о научномъ понятіи: диктатура. Мы сейчасъ объяснимъ вамъ его, но сначала укажемъ третій «методъ» дѣйствія эпохи «революціоннаго вихря»: примѣненіе народомъ насилія по отношенію къ насильникамъ надъ народомъ.

Описанные нами органы власти были, въ зародышѣ, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, отъ кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внѣ законная, опирающаяся на силу, въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, власть,—это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченнаго горсткой военныхъ, не силой «участка», не силой денегъ, не силой какихъ бы то ни было прежнихъ, установившихся учрежденій. Ничего подобнаго. Ни оружія, ни денегъ, ни старыхъ учрежденій у новыхъ органовъ новой власти не было. Ихъ сила—можете себѣ представить, г. Бланкъ и г. Кизеветтеръ?—ничего не имѣла общаго съ старыми орудіями силы, ничего общаго съ «усиленной охраной», если не имѣть въ виду усиленной охраны народа отъ угнетенія его полицейскими и другими органами старой власти.

На что же опиралась эта сила? она опиралась на народную массу. Вотъ основное отличіе этой новой власти отъ всѣхъ прежнихъ органовъ старой власти. Тѣ были органами власти меньшинства надъ народомъ, надъ массой рабочихъ и крестьянъ.

Это были органы власти народа, рабочихъ и крестьянъ, надъ меньшинствомъ, надъ горсткой полицейскихъ насильниковъ, надъ кучкой привилегированныхъ дворянъ и чиновниковъ. Таково отличіе диктатуры *надъ* народомъ отъ диктатуры революціоннаго *народа*, запомните это хорошенько, г. Бланкъ и г. Кизеветтеръ! Старая власть, какъ диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейскихъ ухищреній, исключительно при помощи удаленія, отстраненія народной массы отъ участія въ власти, отъ наблюденія за властью. Старая власть систематически не довѣряла массѣ, боялась свѣта, держалась обманомъ. Новая власть, какъ диктатура огромнаго большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи довѣрія огромной массы, исключительно тѣмъ, что привлекала самымъ свободнымъ, самымъ широкимъ и самымъ сильнымъ образомъ всю массу къ участію во власти. Ничего скрытаго, ничего тайнаго, никакихъ регламентовъ, никакихъ формальностей. Ты—рабочій человѣкъ? Ты хочешь бороться за избавленіе Россіи отъ горстки полицейскихъ насильниковъ? Ты—нашъ товарищъ. Выбирай своего депутата. сейчасъ же, немедленно, выбирай, какъ считаешь удобнымъ,—мы охотно и радостно примемъ его въ полноправные члены нашего совѣта рабочихъ депутатовъ, крестьянскаго комитета, совѣта солдатскихъ депутатовъ и проч. и т. п. Это — власть открытая для всѣхъ, дѣлающая все на виду у массы, доступная массѣ, исходящая непосредственно отъ массы, прямой и непосредственный органъ народной массы и ея воли.—Такова была новая власть, или, вѣрнѣе, ея зачатки, ибо побѣда старой власти затоптала побѣги молодого растенія очень рано.

Вы спросите, можетъ быть, г. Бланкъ или г. Кизеветтеръ, зачѣмъ же тутъ «диктатура», зачѣмъ «насиліе»? развѣ же огромная масса нуждается въ насиліи противъ горстки, развѣ десятки и сотни милліоновъ могутъ быть диктаторами надъ тысячей, надъ десяткомъ тысячъ?

Этотъ вопросъ обычно задаютъ люди, первый разъ увидавшіе примѣненіе термина диктатура въ новомъ для нихъ значеніи. Люди привыкли видѣть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Имъ страннымъ кажется, что можетъ быть власть безъ всякой полиціи, можетъ быть диктатура не полицейская. Вы говорите, что милліонамъ не нужно насилія

противъ тысячъ? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь отъ того, что разсматриваете явленіе не въ его развитіи. Вы забываете, что новая власть не съ неба сваливается, а выростаетъ, возникаетъ наряду со старой, противъ старой власти, въ борьбѣ противъ нея. Безъ насилій по отношенію къ насильникамъ, имѣющимъ въ рукахъ орудія и органы власти, нельзя избавить народъ отъ насильниковъ.

Вотъ вамъ простенькій примѣрчикъ, г. Бланкъ и г. Кизеветтеръ, чтобы вы могли усвоить эту, недоступную кадетскому разуму, «головокружительную» для кадетской мысли, премудрость. Представьте себѣ, что Аврамовъ увѣчитъ и истязуетъ Спиридонову. На сторонѣ Спиридоновой, допустимъ, есть десятки и сотни невооруженныхъ людей. На сторонѣ Аврамова горстка казаковъ. Что сдѣлалъ бы народъ, если бы истязанія Спиридоновой происходили не въ застѣнкѣ? Онъ примѣнилъ бы насиліе по отношенію къ Аврамову и его свитѣ. Онъ пожертвовалъ бы, можетъ быть, нѣсколькими борцами, застрѣленными Аврамовымъ, но силой всетаки обезоружилъ бы Аврамова и казаковъ, причемъ, очень вѣроятно, убилъ бы на мѣстѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ, съ позволенія сказать, людей, а остальныхъ засадилъ бы въ какую нибудь тюрьму, чтобы помѣшать имъ безобразничать дальше и чтобы отдать ихъ на народный судъ.

Вотъ видите, г. Бланкъ и г. Кизеветтеръ: когда Аврамовъ съ казаками истязаетъ Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура надъ народомъ. Когда революціонный (способный на борьбу съ насильниками, а не только на увѣщанія, назиданія, сожалѣнія, осужденія, хныканье и нытье, не мѣщански-ограниченный, а революціонный) народъ примѣняетъ насиліе къ Аврамову и Аврамовымъ, это есть диктатура революціоннаго народа. Это есть диктатура, ибо это есть власть народа надъ Аврамовымъ, власть, неограниченная никакими законами (мѣщанинъ, пожалуй, былъ бы противъ того, чтобы силой отбить Спиридонову отъ Аврамова: дескать, не по «закону» это? есть ли у насъ такой «законъ», «чтобы убивать Аврамова? не создали ли нѣкоторые идеологи мѣщанства теоріи непротивленія злу *) насиліемъ?). Научное понятіе диктатуры означаетъ не что

*) Г. Бердяевъ! г. г. редакторы «Полярной Звѣзды» или «Свободы и Культуры»! Вотъ вамъ еще тема для долгихъ воплей, ...то—бишь

иное, какъ ничѣмъ неограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стѣсненную, непосредственно на насиліе опирающуюся власть. Не что иное, какъ это, означаетъ понятіе: «диктатура»,—запомните хорошенько, г. г. кадеты. Далѣе, во взятомъ нами примѣрѣ мы видимъ диктатуру именно народа, ибо народъ, масса населенія, неоформленная, «случайно» собравшаяся въ данномъ мѣстѣ, сама и непосредственно выступаетъ на сцену, сама чинитъ судъ и расправу, примѣняетъ власть, творитъ новое революціонное право. Наконецъ, это есть диктатура именно революціоннаго народа. Почему только революціоннаго, а не всего народа? Потому, что во всемъ народѣ, страдающемъ постоянно и самымъ жестокимъ образомъ отъ подвиговъ Аврамовыхъ, есть люди, забитые физически, запуганные, люди забитые нравственно, напримѣръ, теоріей о непротивленіи злу насиліемъ, или просто забитые не теоріей, а предразсудкомъ, обычаемъ, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мѣщане, которые болѣе способны отстраниться отъ острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (какъ бы тутъ, въ дракѣ-то, не влетѣло!). Вотъ почему диктатуру осуществляетъ не весь народъ, а только революціонный народъ, нисколько не боящійся однако всего народа, открывающій всему народу причины своихъ дѣйствій и всѣ подробности ихъ, привлекающій охотно весь народъ къ участію не только въ «управленіи» государствомъ, но и во власти, и къ участію въ самомъ устройствѣ государства.

Такимъ образомъ, взятый нами простой примѣръ содержитъ въ себѣ всѣ элементы научнаго понятія: «диктатура революціоннаго народа», а также понятія: «военно-полицейская диктатура». Отъ этого простого примѣра, доступнаго даже ученому кадетскому профессору, мы можемъ перейти къ болѣе сложнымъ явленіямъ общественной жизни.

Революція, въ узкомъ, непосредственномъ значеніи этого слова, есть именно такой періодъ народной жизни, когда вѣками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовыхъ прорывается наружу въ дѣйствіяхъ, а не словахъ, и въ дѣйствіяхъ мил-

---

долгихъ статей противъ «хулиганства» революціонеровъ. Называютъ, дескать, Толстого мѣщаниномъ!!—кель орреръ, какъ говорила дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

ліонныхъ народныхъ массъ, а не отдѣльныхъ лицъ. Народъ просыпается и поднимается для освобожденія себя отъ Аврамовыхъ. Народъ избавляетъ безчисленныхъ Спиридоновыхъ русской жизни отъ Аврамовыхъ, примѣняетъ насиліе къ Аврамовымъ, беретъ власть надъ Аврамовыми. Это происходитъ, конечно, не такъ просто и не такъ «сразу», какъ въ примѣрѣ, упрощенномъ нами для г. профессора Кизеветтера,—эта борьба народа съ Аврамовыми, борьба въ узкомъ, непосредственномъ смыслѣ, это сбрасываніе съ народа Аврамовыхъ растягивается на мѣсяцы и годы «революціоннаго вихря». Это сбрасываніе народомъ съ себя Аврамовыхъ и есть реальное содержаніе того, что называется великой россійской революціей. Это сбрасываніе, если разсмотрѣть его со стороны методовъ историческаго творчества, происходитъ въ тѣхъ формахъ, которыя мы сейчасъ только описывали, говоря о революціонномъ вихрѣ, именно: захватъ народомъ свободы политической, то-есть такой свободы, осуществленію которой препятствовали Аврамовы;—созданіе народомъ новой, революціонной, власти, власти надъ Аврамовыми, власти надъ насильниками стараго полицейскаго уклада;—примѣненіе народомъ насилія по отношенію къ Аврамовымъ для устраненія, обезоруженія и обезвреженія этихъ дикихъ собакъ, всѣхъ Аврамовыхъ, Дурново, Дубасовыхъ, Миновъ и прочее и тому подобное.

Хорошо ли это, что народъ примѣняетъ такіе незаконные, неупорядоченные, непланомѣрные и несистематическіе пріемы борьбы, какъ захватъ свободы, созданіе новой, формально никѣмъ не признанной и революціонной, власти, примѣняетъ насиліе надъ угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это—высшее проявленіе народной борьбы за свободу. Это—та великая пора, когда мечты лучшихъ людей Россіи о свободѣ претворяются въ дѣло, дѣло самихъ народныхъ массъ, а не одиночекъ героевъ. Это такъ же хорошо, какъ хорошо освобожденіе толпой (въ нашемъ примѣрѣ) Спиридоновой отъ Аврамова, насильственное разоруженіе и обезвреживаніе Аврамова.

Но вотъ тутъ то мы и подходимъ къ центральному пункту кадетскихъ скрытыхъ мыслей и опасеній. Кадетъ потому и является идеологомъ мѣщанства, что онъ на политику, на освобожденіе всего народа, на революцію переноситъ точку зрѣнія того обывателя, который въ нашемъ примѣрѣ истязанія Авра-

мовымъ Спиридоновой удерживалъ бы толпу, совѣтовалъ бы не нарушать закона, не торопиться съ освобожденіемъ жертвъ изъ рукъ палача, дѣйствующаго отъ имени законной власти. Конечно, въ нашемъ примѣрѣ такой обыватель былъ бы прямо нравственнымъ уродомъ, а въ примѣненіи ко всей общественной жизни нравственное уродство мѣщанина есть качество, повторяемъ, совсѣмъ не личное, а соціальное, обусловленное, можетъ быть, крѣпко засѣвшими въ голову предразсудками буржуазно-филистерской науки права.

Почему г. Бланкъ считаетъ даже не требующимъ доказательства, что въ періодъ «вихря» были забыты всѣ марксистскіе принципы? Потому, что онъ извращаетъ марксизмъ въ брентанизмъ, считая не марксистскими такіе «принципы», какъ захватъ свободы, какъ созданіе революціонной власти, какъ примѣненіе насилія народомъ. Такой взглядъ сквозитъ во всей статьѣ г. Бланка, да и не одного Бланка, а всѣхъ кадетовъ, всѣхъ расхваливающихъ нынѣ за любовь къ кадетамъ Плеханова писателей либеральнаго и радикальнаго лагеря вплоть до бернштеніанцевъ изъ «Безъ заглавія», г. Прокоповича, Кусковой и tutti quanti.

Разсмотримъ, какъ возникъ этотъ взглядъ и почему онъ долженъ былъ возникнуть.

Возникъ онъ непосредственно изъ бернштеніанскаго или, шире, оппортунистическаго пониманія западно-европейской соціалдемократіи. Тѣ ошибки этого пониманія, которыя систематически и по всей линіи разоблачили «ортодоксы» на Западѣ, переносятся теперь «подъ шумокъ», подъ другимъ соусомъ и по другому поводу, въ Россію. Бернштеніанцы принимали и принимаютъ марксизмъ за исключеніемъ его непосредственно-революціонной стороны. Парламентскую борьбу они разсматриваютъ не какъ одно изъ средствъ борьбы, пригодное особенно въ опредѣленные историческіе періоды, а какъ главную и почти исключительную форму борьбы, дѣлающую ненужнымъ «насиліе», «захваты», «диктатуру». Вотъ это пошлое мѣщанское извращеніе марксизма и переносятъ теперь въ Россію г.г. Бланки и прочіе либеральные хвалители Плеханова. Они такъ сжились съ этимъ извращеніемъ, что не считаютъ даже нужнымъ доказывать забвеніе марксистскихъ принциповъ и идей въ періодъ революціоннаго вихря.

Почему долженъ былъ возникнуть такой взглядъ? Потому,

что онъ самымъ глубокимъ образомъ соотвѣтствуетъ классовому положенію и интересамъ мелкой буржуазіи. Идеологъ «очищеннаго» буржуазнаго общества допускаетъ всѣ методы борьбы соціалдемократіи, кромѣ именно тѣхъ, которые примѣняетъ революціонный народъ въ эпохи «вихря» и которые одобряетъ и помогаетъ примѣнять революціонная соціалдемократія. Интересы буржуазіи требуютъ участія пролетаріата въ борьбѣ съ самодержавіемъ, но только такого участія, которое бы не переходило въ главенство пролетаріата и крестьянства, только такого участія, которое бы не устраняло совершенно старыхъ, самодержавно-крѣпостническихъ и полицейскихъ органовъ власти. Буржуазія хочетъ сохранить эти органы, лишь подчинивъ ихъ своему непосредственному контролю,—они нужны ей противъ пролетаріата, которому слишкомъ облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтоженіе этихъ органовъ. Вотъ почему интересы буржуазіи, какъ класса, требуютъ и монархіи и верхней палаты, требуютъ недопущенія диктатуры революціоннаго народа. Борись съ самодержавіемъ, говоритъ буржуазія пролетаріату, но не трогай старыхъ органовъ власти,—они мнѣ нужны. Борись «парламентски», т. е. въ тѣхъ предѣлахъ, которые предпишу тебѣ я по соглашенію съ монархіей, борись посредствомъ организацій,—только не такихъ, какъ всеобщіе стачечные комитеты, совѣты рабочихъ, солдатскихъ депутатовъ и т. п., а посредствомъ такихъ, которыя признаетъ и ограничиваетъ, обезвреживаетъ по отношенію къ капиталу, законъ, изданный мной по соглашенію съ монархіей.

Понятно отсюда, почему о періодѣ «вихря» буржуазія говоритъ съ пренебреженіемъ, презрѣніемъ, злобой, ненавистью,*)—

*) Сравни, напр., отзывъ «Русск. Вѣдом.», № 1 за 1906 г., о дѣятельности крестьянскаго союза, – этотъ доносъ Дубасову на революціонную демократію за ея пугачевскія стремленія, за одобреніе захвата земель, созданіе новой власти и проч. Даже лѣвые кадеты изъ «Безъ заглавія» (№ 10) пристыдили «Рус. Вѣдом.», справедливо сопоставивъ ихъ за ихъ отзывъ съ «Моск. Вѣдом.». Къ сожалѣнію, лѣвые кадеты стыдятъ «Рус. Вѣдом.» такъ, какъ будто бы они оправдывались. «Безъ заглавія» защищаетъ крестьянскій союзъ, а не обвиняетъ контръ-революціонную буржуазію. Не знаю, объяснить ли этотъ несовсѣмъ приличный способъ полемики съ «Рус. Вѣдом.»—«страхомъ іудейскимъ», или тѣмъ, что въ этомъ органѣ пишетъ г. Бланкъ. Лѣвые кадеты все же таки кадеты.

а о періодѣ охраняемаго Дубасовымъ конституціонализма съ восторгомъ, упоеніемъ, съ безконечной мѣщанской влюбленностью.... въ реакцію. Это—все то же постоянное и неизмѣнное качество кадетовъ: стремленіе опереться на народъ и боязнь его революціонной самодѣятельности.

Понятно также, почему буржуазія боится пуще огня повторенія вихря, почему она игнорируетъ и затушевываетъ элементы новаго революціоннаго кризиса, почему поддерживаетъ и распространяетъ въ народѣ конституціонныя иллюзіи.

Теперь мы вполнѣ объяснили, почему г. Бланкъ и ему подобные объявляютъ, что въ періодъ «вихря» были забыты всѣ марксистскіе принципы и идеи. Г. Бланкъ, какъ и всѣ мѣщане, признаетъ марксизмъ за вычетомъ его революціонной стороны,—признаетъ соціалдемократическіе пріемы борьбы за вычетомъ самыхъ революціонныхъ и непосредственно-революціонныхъ пріемовъ.

Отношеніе г-на Бланка къ періоду «вихря» до послѣдней степени характерно, какъ иллюстрація буржуазнаго непониманія пролетарскихъ движеній, буржуазной боязни передъ острой и рѣшительной борьбой, буржуазной ненависти ко всѣмъ проявленіямъ крутого, ломающаго старыя учрежденія, революціоннаго въ непосредственномъ смыслѣ слова способа рѣшенія соціально-историческихъ вопросовъ. Господинъ Бланкъ выдалъ себя, выдалъ сразу всю свою буржуазную ограниченность. Онъ слыхалъ и читалъ, что соціалдемократы въ періодъ вихря дѣлали «ошибки»,—онъ поспѣшилъ заключить и заявить съ апломбомъ, безапелляціонно, голословно, что всѣ «принципы» марксизма (о которыхъ онъ и понятія не имѣетъ!) были забыты. Мы замѣтимъ по поводу этихъ «ошибокъ»: развѣ былъ такой періодъ въ развитіи рабочаго движенія, въ развитіи соціалдемократіи, когда бы не было дѣлаемо тѣхъ или иныхъ ошибокъ? когда бы не наблюдались тѣ или иныя уклоненія вправо или влѣво? развѣ исторія парламентскаго періода германской соціалдемократической борьбы—того періода, который всѣмъ ограниченнымъ буржуа на всемъ свѣтѣ кажется предѣломъ, его же не прейдеши!—не полна такихъ ошибокъ? Еслибы господинъ Бланкъ не былъ круглымъ невѣждой въ вопросахъ соціализма, онъ легко вспомнилъ бы и Мюльбергера, и Дюринга, и вопросъ о Dampfersubvention, и «молодыхъ», и бернштеніаду и многое, многое другое. Но

господину Бланку важно не изученіе дѣйствительнаго хода развитія соціалдемократіи, ему нужно только принизить пролетарскій размахъ борьбы, чтобы возвеличить буржуазную убогость своей кадетской партіи.

На самомъ дѣлѣ, если мы взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія уклоненій соціалдемократіи съ ея обычнаго, «нормальнаго», пути, то мы увидимъ, что и въ этомъ отношеніи періодъ «революціоннаго вихря» показываетъ б о л ь ш у ю, а не меньшую, по сравненію съ прежнимъ, сплоченность и идейную цѣльность соціалдемократіи. Тактика эпохи «вихря» не отдалила, а сблизила оба крыла соціалдемократіи. Вмѣсто былыхъ разногласій получилось единство взглядовъ по вопросу о вооруженномъ возстаніи. Соціалдемократы обѣихъ фракцій работали въ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ, этихъ своеобразныхъ органахъ зачаточной революціонной власти, привлекали солдатъ, крестьянъ къ этимъ совѣтамъ, издавали революціонные манифесты совмѣстно съ мелкобуржуазными революціонными партіями. Былые споры эпохи до—революціонной смѣнились солидарностью по практическимъ вопросамъ. Подъемъ революціонной волны отодвинулъ разногласія, заставивъ признать боевую тактику, устранивъ вопросъ о Думѣ, поставивъ на очередь вопросъ о возстаніи, сблизивъ на непосредственной ближайшей работѣ соціалдемократію и революціонную буржуазную демократію. Въ «Сѣверномъ Голосѣ» меньшевики вмѣстѣ съ большевиками звали къ стачкѣ и возстанію, звали рабочихъ не прекращать борьбы, пока власть не будетъ въ ихъ рукахъ. Революціонная обстановка подсказывала сама практическіе лозунги. Споры касались лишь деталей въ оцѣнкѣ событій: «Начало», напримѣръ, разсматривало совѣты рабочихъ депутатовъ, какъ органы революціонныхъ самоуправленій, «Новая Жизнь», какъ зачаточные органы революціонной власти, соединявшіе пролетаріатъ и революціонную демократію. «Начало» склонялось къ диктатурѣ пролетаріата. «Новая Жизнь» стояла на точкѣ зрѣнія демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства. Но развѣ такихъ и подобныхъ разногласій внутри соціалдемократіи не показываетъ намъ любой періодъ въ развитіи любой европейской соціалистической партіи?

Нѣтъ, извращеніе дѣла господиномъ Бланкомъ, его вопіющее искаженіе исторіи вчерашняго дня объясняется тѣмъ и только тѣмъ, что передъ нами образчикъ самодовольной буржуазной пошлости, которому періоды революціоннаго вихря кажутся безуміемъ («за-

быты всѣ принципы», «сама мысль и простой разумъ почти исчезаютъ»), а періоды подавленія революціи и мѣщанскаго «прогресса» (охраняемаго Дубасовыми) кажутся эпохой разумной, сознательной и планомѣрной дѣятельности. Эта сравнительная оцѣнка двухъ періодовъ (періода «вихря» и періода кадетскаго) красной нитью проходитъ черезъ всю статью господина Бланка. Когда исторія человѣчества подвигается впередъ со скоростью локомотива, это—«вихрь», «потокъ», «исчезновеніе» всѣхъ «принциповъ и идей». Когда исторія движется съ быстротой гужевой перевозки, это — самъ разумъ и сама планомѣрность. Когда народныя массы сами, со всей своей дѣвственной примитивностью, простой, грубоватой рѣшительностью, начинаютъ творить исторію, воплощать въ жизнь прямо и немедленно «принципы и теоріи», — тогда буржуа чувствуетъ страхъ и вопитъ, что «разумъ отступаетъ на задній планъ» (не наоборотъ-ли, о герои мѣщанства? не выступаетъ-ли въ исторіи именно въ такіе моменты разумъ массъ, а не разумъ отдѣльныхъ личностей, не становится-ли именно тогда массовой разумъ живой, дѣйственной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движеніе массъ придавлено разстрѣлами, экзекуціями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылѣзаютъ изъ щелей клопы содержимой на Дубасовскія деньги профессорской науки и начинаютъ вершить дѣла з а народъ, о т ъ и м е н и м а с с ъ, продавая и предавая ихъ интересы горсткамъ привилегированныхъ, — тогда рыцарямъ мѣщанства кажется, что наступила эпоха успокоеннаго и спокойнаго прогресса, «наступила очередь мысли и разума». Буржуа всегда и вездѣ вѣренъ себѣ: возьмете-ли вы «Полярную Звѣзду» или «Нашу Жизнь», прочтете-ли вы Струве или Бланка, вездѣ одно и то же, вездѣ эта ограниченная, профессорски-педантская, чиновнически-мертвенная оцѣнка революціонныхъ и реформистскихъ періодовъ. Первые — періоды безумія, tolle lahre, исчезновеніе мысли и разума. Вторые — періоды «сознательной, систематической» дѣятельности.

Не перетолковывайте моихъ словъ. Не говорите, что я веду рѣчь о предпочтеніи господами Бланками тѣхъ или иныхъ періодовъ. Дѣло вовсе не въ предпочтеніи,—отъ нашего субъективнаго предпочтенія не зависитъ смѣна историческихъ періодовъ. Дѣло въ томъ, что в ъ а н а л и з ѣ с в о й с т в ъ того или иного періода (совершенно независимо отъ нашего предпочтенія или отъ нашихъ симпатій) господа Бланки безсовѣстно и з в р а щ а ю т ъ п р а в д у.

Дѣло въ томъ, что именно революціонные періоды отличаются большей широтой, большимъ богатствомъ, большей сознательностью, большей планомѣрностью, большей систематичностью, большей смѣлостью и яркостью историческаго творчества по сравненію съ періодами мѣщанскаго, кадетскаго, реформистскаго прогресса. А господа Бланки изображаютъ дѣло навыворотъ! Они убожество выдаютъ за исторически-творческое богатство. Они бездѣятельность задавленныхъ или придавленныхъ массъ разсматриваютъ, какъ торжество «систематичности» въ дѣятельности чиновниковъ, буржуевъ. Они кричатъ объ исчезновеніи мысли и разума, когда вмѣсто кромсанія законопроектовъ всякими канцелярскими чинушами и либеральными penny—a—liner' ами (писаками, живущими съ построчной платы) наступаетъ періодъ непосредственной политической дѣятельности «простонародья», которое по-просту прямо, немедленно ломаетъ органы угнетенія народа, захватываетъ власть беретъ себѣ то, что считалось принадлежащимъ всякимъ грабителямъ народа, однимъ словомъ, когда именно просыпается мысль и разумъ милліоновъ забитыхъ людей, просыпается не для чтенія только книжекъ, а для дѣла, живого, человѣческаго дѣла, для историческаго творчества.

Посмотрите, какъ величественно разсуждаетъ этотъ кадетскій, рыцарь: «Вихрь покружился и успокоился на томъ же мѣстѣ». Да если живы еще либеральные мѣщане, если не слопали ихъ Дубасовы, то именно благодаря этому вихрю. «На томъ же мѣстѣ», говорите вы? Россія весной 1906 года на томъ же мѣстѣ, что и въ сентябрѣ 1905 года?

Да втеченіе всего «кадетскаго» періода Дубасовы и Дурново гащатъ и будутъ тащить Россію «сознательно, планомѣрно и систематически» назадъ, чтобы вернуть ее къ сентябрю 1905 г., но силы не хватаетъ у нихъ, потому, что во время вихря съ быстротой локомотива двинулъ всю Россію впередъ пролетарій, желѣзнодорожникъ, крестьянинъ, бунтующій солдатъ.

Если этотъ неразумный вихрь дѣйствительно успокоился, тогда кадетская дума была бы осуждена на то, чтобы заниматься вопросами о луженіи умывальниковъ.

Но господинъ Бланкъ и не подозрѣваетъ того, что вопросъ о томъ, успокоился ли вихрь, есть самостоятельный и чисто-научный вопросъ, отвѣтъ на который предрѣшаетъ цѣлый рядъ вопросовъ тактики и безъ отвѣта на который, наоборотъ, нельзя сколько-

нибудь осмысленно разобраться въ вопросахъ современной тактики. Господинъ Бланкъ не на основаніи того или иного разбора данныхъ и соображеній пришелъ къ выводу объ отсутствіи теперь условій для движенія въ формѣ вихря (такой выводъ, будь онъ обоснованъ, имѣлъ бы дѣйствительно коренное значеніе при опредѣленіи тактики, ибо, повторяемъ, это опредѣленіе непозволительно основывать на простомъ «предпочтеніи» того или иного пути),— нѣтъ, онъ прямо и просто выражаетъ свое глубокое (и глубоко-близорукое) убѣжденіе, что иначе и быть не можетъ. Господинъ Бланкъ смотритъ на «вихрь» совершенно такъ же, собственно говоря, какъ смотрятъ на него господа Витте, Дурново, Бюловы и прочіе чиновники-нѣмцы, объявившіе давно уже 48 годъ «безумнымъ годомъ». Не научное убѣжденіе выражаетъ господинъ Бланкъ словами объ успокоеніи вихря, а филистерское недомысліе, для котораго всякій вихрь и вихрь вообще есть «исчезновеніе мысли и разума».

«Соціальдемократія вернулась къ своему исходному пункту» увѣряетъ насъ господинъ Бланкъ. Новая тактика меньшевиковъ направляетъ русское соціальдемократическое движеніе на тотъ путь, по которому движется вся международная соціальдемократія.

Вы видите: парламентскій путь господинъ Бланкъ объявляетъ почему-то «исходнымъ пунктомъ» (хотя для Россіи онъ не могъ быть исходнымъ пунктомъ соціальдемократіи). Парламентскій путь господинъ Бланкъ считаетъ, такъ сказать, нормальнымъ, главнымъ и даже исчерпывающимъ, единственнымъ, исключительнымъ путемъ международной соціальдемократіи. Господинъ Бланкъ и не подозрѣваетъ, что въ этомъ отношеніи онъ цѣликомъ повторяетъ буржуазное извращеніе соціальдемократизма, преобладающее въ нѣмецкой либеральной печати и перенятое одно время бернштеніадой. Одинъ изъ пріемовъ борьбы кажется либеральному буржуа единственнымъ пріемомъ. Брентановское пониманіе рабочаго движенія и классовой борьбы сказывается здѣсь вполнѣ. О томъ, что на парламентскій путь европейская соціальдемократія вступила и могла вступить лишь тогда, когда объективныя условія сняли съ историческаго порядка дня вопросъ о доведеніи до конца буржуазной революціи, лишь тогда, когда парламентскій строй сталъ дѣйствительно главной формой господства буржуазіи и главной ареной соціальной борьбы, господинъ Бланкъ и не подозрѣваетъ. Онъ даже не задумывается надъ тѣмъ, есть ли въ Россіи парламентъ

и парламентскій строй, а уже рѣшаетъ безаппелляціонно: соціальдемократія вернулась къ своему исходному пункту. Буржуазный разсудокъ представляетъ себѣ исключительно неоконченныя демократическія революціи (ибо въ основѣ буржуазныхъ интересовъ лежитъ недоведеніе революціи до конца). Буржуазный разсудокъ чурается всякихъ непарламентскихъ пріемовъ борьбы, всякихъ открытыхъ выступленій массъ, всякой революціи въ непосредственномъ значеніи слова. Буржуа инстинктивно спѣшитъ всякій поддѣльный парламентаризмъ объявить, провозгласить и принять за настоящій, чтобы положить конецъ «головокружительному вихрю» (опасному не только для головы многихъ слабоголовыхъ буржуа, но и для ихъ кармана). Вотъ почему научный и дѣйствительно важный вопросъ о томъ, можно ли признать въ Россіи парламентскій способъ борьбы имѣющимъ существенное значеніе и движеніе въ формѣ «вихря» изсякшимъ,—этого вопроса господа кадеты даже и понять не въ состояніи. И матеріальная, классовая подкладка этого непониманія вполнѣ ясна: пусть поддержатъ кадетскую думу мирной стачкой или инымъ выступленіемъ, но только бы не думали о серьезной, рѣшительной, истребительной борьбѣ, о возстаніи противъ самодержавія и монархіи.

«Теперь снова наступила очередь мысли и разума», съ восторгомъ говоритъ господинъ Бланкъ о періодѣ дубасовскихъ побѣдъ. Знаете ли, что, г. Бланкъ? Вѣдь въ Россіи не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», какъ про эпоху Александра III! Право же такъ. Именно въ эту эпоху старое русское народничество перестало быть однимъ мечтательнымъ взглядомъ въ будущее и дало обогатившія русскую общественную мысль изслѣдованія экономической дѣйствительности Россіи. Именно въ эту эпоху всего интенсивнѣе работала русская революціонная мысль, создавъ основы соціальдемократическаго міросозерцанія. Да, мы, революціонеры, далеки отъ мысли отрицать революціонную роль реакціонныхъ періодовъ. Мы знаемъ, что форма общественнаго движенія мѣняется—что періоды непосредственнаго политическаго творчества народныхъ массъ смѣняются въ исторіи періодами, когда царитъ внѣшнее спокойствіе, когда молчатъ или спятъ (повидимому, спятъ) забитыя и задавленныя каторжной работой и нуждой массы, когда революціонизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовыхъ представителей человѣческаго разума подво-

дитъ итоги прошлому, строитъ новыя системы и новые методы изслѣдованія. Вотъ, вѣдь, и въ Европѣ періодъ послѣ подавленія революціи 1848 года отличался небывалымъ экономическимъ прогрессомъ и работой мысли, которая создала хотя бы «Капиталъ» Маркса. Однимъ словомъ, «очередь мысли и разума» наступаетъ иногда въ историческіе періоды человѣчества точно такъ же, какъ пребываніе политическаго дѣятеля въ тюрьмѣ содѣйствуетъ его научнымъ работамъ и занятіямъ.

Но въ томъ-то и бѣда нашего буржуазнаго филистера, что онъ не сознаетъ этого, такъ сказать, тюремнаго или дубасовскаго, характера своего замѣчанія. Онъ не замѣчаетъ коренного вопроса: подавлена ли русская революція или идетъ къ новому подъему? измѣнилась ли форма общественнаго движенія съ революціонной на приспособительную къ дубасовщинѣ? изсякли ли силы для «вихря» или нѣтъ? Буржуазный разумъ не ставитъ этихъ вопросовъ, потому что для него вообще революція есть неразумный вихрь, а реформа — очередь мысли и разума.

Посмотрите на его поучительнѣйшее разсужденіе объ организаціи. «Первымъ дѣломъ» мысли и разума, вѣщаетъ онъ намъ, «должно быть принятіе предупредительныхъ мѣръ противъ повторенія того, что произошло въ первый періодъ русской революціи, въ ея Sturm-und Drang-Zeit, т. е. противъ разрушительныхъ дѣйствій революціонныхъ потоковъ и урагановъ. Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ для этого можетъ быть только расширеніе и укрѣпленіе организаціи».

Вы видите: кадетъ мыслитъ дѣло такъ, что періодъ урагана разрушалъ организаціи и организованность (смотри «Новое Время», то бишь «Полярную Звѣзду» со статьями Струве противъ анархіи, стихіи, безвластности въ революціи и проч. и проч.), а періодъ охраняемыхъ Дубасовымъ мысли и разума есть періодъ созиданія организацій. Революція—худо, она разрушаетъ, это—ураганы, головокружительный вихрь. Реакція—добро, она созидаетъ, это—попутный вѣтеръ и пора сознательной, планомѣрной, систематической дѣятельности.

И опять философъ кадетской партіи клевещетъ на революцію и выдаетъ всю свою влюбленность въ буржуазно-ограниченныя формы и условія движенія. Ураганъ разрушалъ организаціи! Какая вопіющая неправда! Назовите такой періодъ въ русской или всемірной исторіи, найдите такіе шесть мѣсяцевъ или шесть лѣтъ, ко-

гда бы для свободныхъ самопроизвольныхъ организацій народныхъ массъ было сдѣлано столько, сколько въ шесть недѣль русскаго революціоннаго вихря, когда были забыты, по словамъ клеветниковъ революціи, всѣ принципы и идеи, когда исчезли разумъ и мысль. Что такое была всеобщая всероссійская стачка? Это не организація, по вашему? Она не зарегистрирована въ полицейскихъ книгахъ, она не постоянная организація, вы не хотите ее считать. Возьмите политическія организаціи. Знаете ли вы, что рабочій народъ, сѣрая масса, никогда не шла такъ охотно въ политическія организаціи, не увеличивали такъ гигантски составъ политическихъ союзовъ, не создавали самобытныхъ полу-политическихъ организацій въ родѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ? Но вы побаиваетесь политическихъ организацій пролетаріата. Вамъ, какъ истому брентанисту, кажутся болѣе безопасными для буржуазіи (и потому болѣе солидными, болѣе серьезными) профессіональныя организаціи. Возьмемъ профессіональныя организаціи и мы увидимъ, вопреки всѣмъ филистерскимъ сплетнямъ объ игнорированіи ихъ въ революціонный моментъ, что въ Россіи никогда не создавалось такой бездны профессіональныхъ рабочихъ организацій, какъ въ эти дни. Страницы соціалистическихъ, и именно соціалистическихъ газетъ, и «Новой Жизни», и «Начала» были переполнены свѣдѣніями о новыхъ и новыхъ профессіональныхъ организаціяхъ. Такіе отсталые слои пролетаріата, которыхъ въ теченіе десятилѣтій едва удастся раскачать въ періодѣ «планомѣрнаго и систематическаго» мѣщанскаго прогресса, въ родѣ домашней прислуги, проявляли величайшую склонность и способность къ организаціи. Возьмите крестьянскій союзъ. Теперь очень легко встрѣтить кадета, который съ величественнымъ пренебреженіемъ отзывается объ этомъ союзѣ: что же, дескать, вѣдь это полуфиктивная организація! Отъ нея теперь и слѣдовъ не осталось! Да, господа, посмотрѣлъ бы я, много ли осталось бы отъ вашихъ кадетскихъ организацій, если бы имъ пришлось бороться противъ карательныхъ экспедицій, противъ безчисленныхъ деревенскихъ Луженовскихъ, Римановъ, Филипповыхъ, Абрамовыхъ и Ждановыхъ. Крестьянскій союзъ росъ съ сказочной быстротой въ періодъ революціоннаго вихря. Это была дѣйствительно народная, массовая организація, раздѣлявшая, конечно, рядъ крестьянскихъ предразсудковъ, податливая къ мелко-буржуазнымъ иллюзіямъ крестьянина (какъ податливы къ нимъ и наши соціалисты-революціонеры), но безусловно «почвенная», реальная организа-

ція масс, безусловно революціонная въ своей основѣ, способная примѣнять дѣйствительно революціонные методы борьбы, не сужившая, а расширявшая размахъ политическаго творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самихъ крестьянъ съ ихъ ненавистью къ чиновникамъ и помѣщикамъ, а не полу-интеллигентовъ, которые такъ часто бываютъ склонны сочинять всякіе проекты сдѣлокъ между революціоннымъ крестьянствомъ и либеральными помѣщиками. Нѣтъ, въ ходячемъ пренебреженіи къ крестьянскому союзу сказывается больше всего филистерски-буржуазная ограниченность кадета, не вѣрящаго въ революціонную самодѣятельность народа и боящагося такой самодѣятельности. Крестьянскій союзъ въ дни свободы былъ одной изъ самыхъ могучихъ реальностей, и можно съ увѣренностью предсказать, что если Луженовскіе и Риманы не перебьютъ еще десятковъ тысячъ передовой крестьянской молодежи, если повѣетъ еще сколько-нибудь свободнымъ вѣтеркомъ, этотъ союзъ будетъ расти не по днямъ, а по часамъ, онъ будетъ организаціей, по сравненію съ которой пылинкой покажутся нынѣшніе кадетскіе комитеты *).

---

*) Конечно, крестьянскій союзъ таитъ тоже въ себѣ элементы распаденія, какъ организація не классовая. Чѣмъ ближе побѣда крестьянскаго возстанія и чѣмъ полнѣе будетъ эта побѣда, тѣмъ ближе будетъ и распаденіе этого союза. Но до побѣды крестьянскаго возстанія и для такой побѣды крестьянскій союзъ есть могучая и жизненная организація. Ея роль будетъ исчерпана полной побѣдой буржуазно демократической революціи, тогда какъ роль пролетарскихъ организацій именно тогда будетъ особенно важна и особенно жизненна въ борьбѣ за соціализмъ, а роль кадетскихъ организацій состоитъ въ томъ, чтобы тормозить полную побѣду буржуазной революціи, чтобы блистать въ подготовительные періоды этой революціи, періоды упадка, застоя, дубасовскаго господства. Другими словами: крестьянство побѣдитъ въ буржуазно-демократической революціи и этимъ исчерпаетъ свою революціонность, какъ крестьянство, окончательно. Пролетаріатъ побѣдитъ въ буржуазно-демократической революціи и этимъ только и развернетъ настоящимъ образомъ свою истинную, соціалистическую революціонность. А кадетская мелкая буржуазія исчерпаетъ свою оппозиціонность вмѣстѣ съ тѣмъ какъ исчерпаютъ себя завтра же конституціонныя иллюзіи.

Резюмируемъ: организаторское творчество народа, особенно пролетаріата, а затѣмъ и крестьянства, проявляется въ періоды революціонныхъ вихрей въ милліоны разъ сильнѣе, богаче, продуктивнѣе, чѣмъ въ періоды такъ-называемаго спокойнаго (гужевого) историческаго прогресса. Обратное мнѣніе господъ Бланковъ есть буржуазно-чиновничье искаженіе исторіи. Доброму буржуа и честному чиновнику кажутся «настоящими» организаціями только такія, которыя хорошенечко зарегистрированы въ полицейскихъ книгахъ и сообразованы тщательно со всякими «временными правилами». Безъ временныхъ правилъ онъ не можетъ себѣ мыслить планомѣрности и систематичности. Не надо поэтому обманываться насчетъ истиннаго значенія звонкихъ словъ кадета, когда онъ говоритъ о романтическомъ презрѣніи къ легальности и аристократическомъ пренебреженіи къ экономикѣ. Дѣйствительное значеніе этихъ словъ одно: буржуазно-оппортунистическая боязнь передъ революціонной самодѣятельностью народа.

Наконецъ, разсмотримъ послѣдній пунктъ въ кадетской «теоріи» г. Бланка: отношеніе рабочей и буржуазной демократіи. Разсужденія господина Бланка на эту тему заслуживаютъ громаднаго вниманія соціальдемократіи, ибо это—образчикъ того, какъ при помощи ссылокъ на Маркса извращаютъ Маркса. Точь въ точь такъ, какъ Брентано, Зомбарты, Бернштейны и К⁰ подмѣняли марксизмъ брентанизмомъ, употребляя терминологію Маркса, ссылаясь на отдѣльныя утвержденія Маркса, поддѣлываясь подъ марксизмъ,—точь въ точь такъ и наши кадеты занимаются «тонкой работой» поддѣлки Маркса въ вопросѣ объ отношеніи рабочей и буржуазной демократіи.

Безъ координированія дѣйствій рабочей и буржуазной демократіи невозможенъ успѣхъ буржуазной демократической революціи. Святая истина. Безусловная истина. Вамъ кажется, господа Бланки, Изгоевы и К-о, что революціонеры соціалдемократы забывали это особенно въ дни «вихря»? Вы ошибаетесь или сознательно подмѣняете понятіе революціонной буржуазной демократіи понятіемъ буржуазной демократіи вообще,—въ томъ числѣ и монархически-либеральной,—въ томъ числѣ и оппортунистической, даже главнымъ образомъ монархически-либеральной. Возьмите «Новую Жизнь» и вы увидите, что о совмѣстномъ дѣйствіи, о боевомъ соглашеніи рабочей демократіи съ революціонно-буржуазной демократіей тамъ говорится чуть не въ каждомъ

номерѣ. О значеніи крестьянскаго союза и крестьянскаго движенія тамъ говорится въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Вопреки кадетскимъ сказкамъ о нетерпимости и узкомъ доктринерствѣ марксистовъ, тамъ вполнѣ признается значеніе безпартійныхъ союзовъ и организацій*), но только именно безпартійно-революціонныхъ организацій. Вотъ въ чемъ гвоздь вопроса, искусно затушевываемый нашими брентанистами въ политикѣ: какіе именно элементы буржуазной демократіи способны доводить буржуазно-демократическую революцію до конца, когда эта революція находится, такъ сказать, на половинѣ своего пути. Тѣ-ли элементы, которые принимаютъ монархически-либеральную программу, погрязаютъ цѣликомъ въ конституціонныхъ иллюзіяхъ и обливаютъ революціонные періоды, революціонные пріемы историческаго творчества слюной своего филистерскаго негодованія, осужденія, сожалѣнія?. Или тѣ, которые принимаютъ программу полной побѣды крестьянскаго возстанія (вмѣсто сдѣлки крестьянъ съ помѣщиками), полной побѣды демократіи (вмѣсто сдѣлки демократической нижней палаты съ верхней палатой и монархіей)? Думали-ли вы когда нибудь объ этомъ вопросѣ, господа Бланки и Изгоевы? Съ буржуазно-демократическими соглашателями надо намъ «бить вмѣстѣ» въ настоящее время, или съ буржуазно-демократическими революціонерами?.

Не слыхали-ли вы о томъ, почтенные любители цитировать и извращать Маркса, какъ безпощадно бичевалъ онъ буржуазно-демократическихъ соглашателей въ Германіи въ 1848-омъ году? А вѣдь эти соглашатели сидѣли не въ мизерной Государственной Думѣ, а въ Національномъ Собраніи,—они были демократами, гораздо болѣе «рѣшительными» (на словахъ), чѣмъ наши кадеты.

И тѣ же самые Марксъ и Энгельсъ лѣтъ пятнадцать спустя, въ эпоху прусскаго «конституціоннаго конфликта», совѣтовали рабочей партіи поддерживать буржуазныхъ демократовъ-прогрессистовъ, которые были ничуть не лучше, чѣмъ франкфуртскіе демократы. По вашему, это противорѣчіе и непослѣдовательность Маркса и Энгельса?. По вашему, это доказательство того, какъ у нихъ во время «революціоннаго вихря» тоже почти исчезли «мысль и разумъ»

---

*) См. мои статьи въ «Новой Жизни»: «Соціалистическая партія и безпартійная революціонность».

(такого взгляда держится большинство бернштеніанцевъ и кадетовъ)? На самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ никакого противорѣчія: въ періодъ революціонной борьбы Марксъ бичевалъ всего сильнѣе конституціонныя иллюзіи и конституціонныхъ соглашателей. Когда всѣ силы революціоннаго «вихря» были исчерпаны, когда не могло быть уже никакихъ сомнѣній въ томъ, что нѣмецкіе кадеты окончательно предали революцію, когда возстанія были безусловно и рѣшительно подавлены, и экономическое процвѣтаніе дѣлало повтореніе ихъ безнадежнымъ,—тогда и только тогда (Марксъ и Энгельсъ не отличались малодушіемъ и упадкомъ вѣры въ возстаніе послѣ перваго же пораженія!), только тогда они признали главной формой борьбы парламентскую. Въ парламентѣ, разъ вы туда вошли, не только можно, но и должно, при извѣстныхъ условіяхъ, поддерживать перебѣжчика Изгоева противъ Шипова, Шипова противъ Дурново. Въ борьбѣ за дѣйствительный парламентаризмъ нѣтъ иногда ничего опаснѣе кадетскихъ «соглашателей».

Если вы хотите ссылаться на Маркса, господа, попробуйте доказать, что наша Дума есть уже органъ господства буржуазіи въ свободной Россіи, а не фиговый листокъ самодержавія. Вы скажете, что второе можетъ перерости въ первое рядомъ маленькихъ измѣненій, и что кадетскіе выборы есть именно такое, даже не маленькое, а большое «перерастаніе».

Хорошо. Но вѣдь этимъ вы только отодвигаете вопросъ, а не рѣшаете его. Ну а сейчасъ, теперешняя Дума переросла уже настолько свои рамки, что можетъ быть органомъ власти? Тѣ изъ васъ, кто думаетъ такъ и старается заставить народъ думать такъ, тѣ изъ васъ прямо распространяютъ вреднѣйшія конституціонныя иллюзіи, тѣ изъ васъ прямо контръ-революціонеры. Тѣ же, кто допускаетъ вѣроятность того, что «Дурново остается, чтобы разогнать Думу» *), или кто понимаетъ, что безъ внѣ-«парламентскаго», революціоннаго натиска ничто еще не обезпечено **), тѣ сами обнаруживаютъ шаткость своей позиціи. Своими признаніями они показываютъ ясно, что политика кадетовъ есть политика минуты, а не политика серьезной защиты прочныхъ и основныхъ интересовъ революціи. Эти признанія показываютъ, что отъ каде-

*) «Русь» и «Молва».

**) П. Милюковъ: «Элементы конфликта» въ «Рѣчи» № 30 (24 III) —преинтересное «credo» соглашателя.

товъ во время развязки назрѣвающаго теперь новаго революціоннаго кризиса отпадетъ цѣлая масса революціонныхъ буржуазно-демократическихъ элементовъ, которыхъ издѣвательство господъ Дурново надъ Думой толкнетъ на баррикады. Значитъ, вся разница только въ томъ, что вы хотите этотъ неизбѣжный новый бой ограничить, связать, сузить задачей поддержки кадетской Думы, а мы хотимъ направить всѣ помыслы, всѣ усилія, всю нашу агитаціонную, пропагандистскую и организаціонную работу къ тому, чтобы расширить размахъ этого боя за предѣлы кадетскихъ программъ, расширить его до полнаго сверженія самодержавія, до полной побѣды крестьянскаго возстанія, до созыва революціоннымъ путемъ всенароднаго учредительнаго собранія.

Вамъ кажется, что у насъ нѣтъ никакой революціонной буржуазной демократіи въ Россіи, что кадеты единственная или по крайней мѣрѣ главная сила буржуазной демократіи въ Россіи. Но это вамъ кажется только потому, что вы близоруки, что вы удовлетворяетесь поверхностнымъ наблюденіемъ политическихъ явленій, что вы не видите и не понимаете «сущности конституціи». Политики сегодняшняго дня, вы являетесь типичнѣйшими оппортунистами, ибо за минутными интересами демократіи не видите болѣе глубокихъ и коренныхъ интересовъ ея, за минутными задачами забываете завтрашнія, и болѣе серьезныя задачи, за вывѣской не видите содержанія. Революціонная буржуазная демократія въ Россіи есть, ея не можетъ не быть, пока есть революціонное крестьянство, милліардами нитей связанное и съ городской бѣднотой. Эта демократія притаилась исключительно благодаря работѣ Римановъ и Луженовскихъ. И завтрашній день неминуемо разоблачитъ кадетскія иллюзіи. Либо режимъ репрессій останется постарому, Риманы и Луженовскіе будутъ дѣло дѣлать», кадетская Дума будетъ болтать, — тогда мизерность этой Думы и мизерность господствующей въ ней партіи станутъ ясны сразу громаднымъ массамъ населенія. Наступитъ острый взрывъ, въ которомъ будутъ участвовать, конечно, не кадеты, какъ партія, а именно такіе элементы населенія, которые составляютъ революціонную демократію. Либо режимъ репрессій ослабнетъ, правительство сдѣлаетъ нѣкорыя уступки, кадетская Дума, разумѣется, начнетъ таять отъ первыхъ же уступокъ и примиряться не то, что на Шиповѣ, а можетъ быть и на чемъ-нибудь еще похуже. Контръ-революціонная

натура кадетовъ (выступившая въ дни «вихря» особенно ярко и сказывающаяся постоянно въ ихъ литературѣ) проявится во-всю. Но первое же дуновеніе свободнаго вѣтерка, первое ослабленіе репрессій начнетъ снова неминуемо вызывать къ жизни сотни и тысячи организацій, союзовъ, группъ, кружковъ, предпріятій революціонно-демократическаго характера. А это явленіе столь же не минуемо поведетъ опять къ «вихрю», къ повторенію октябрьско-декабрьской борьбы, только въ неизмѣримо болѣе широкомъ масштабѣ. Кадеты, блистающіе нынѣ, опять стушуются тогда. Почему? Потому что черви водятся около труповъ, а не около живыхъ людей.

Иными словами, кадеты могутъ, какъ сказалъ бы Дурново, «разлакомить» окончательно народъ насчетъ «народной свободы», но они ни въ какомъ случаѣ, безусловно не могутъ провести дѣйствительной борьбы за дѣйствительную народную свободу, безъ ковычекъ, безъ соглашенія свободы съ самодержавіемъ. Эту борьбу неминуемо придется еще вести, а поведутъ ее другія партіи, другіе соціальные элементы, а не кадеты. Понятно отсюда, что революціонная соціальдемократія нисколько не завидуетъ успѣхамъ кадетовъ и продолжаетъ все вниманіе направлять на эту предстоящую дѣйствительную, а не бутафорскую борьбу.

Господинъ Бланкъ цитируетъ слова Маркса о высокомъ значеніи буржуазной демократіи. Чтобы выразить дѣйствительное мнѣніе Маркса, слѣдовало бы добавить: и высокопредательское значеніе. Марксъ тысячи разъ говорилъ объ этомъ въ разныхъ мѣстахъ разныхъ своихъ произведеній. Тов. Плехановъ, склоняющійся къ брентанизму въ теперешней политикѣ, забылъ объ этихъ указаніяхъ Маркса. Тов. Плехановъ не догадывается даже, чему можетъ измѣнять либеральная демократія. Отвѣтъ очень простъ товарищъ Плехановъ: партія «народной свободы» измѣняла и будетъ измѣнять народной свободѣ.

Господинъ Бланкъ поучаетъ насъ, что не нужно толкать буржуазную демократію «въ реакцію, въ контръ-революцію». Мы спросимъ этого мудраго кадета: хотите вы взять міръ идей, теоріи, программы, тактическихъ линій? или міръ матеріальныхъ классовыхъ интересовъ? Возьмемъ и то и другое. Кто толкнулъ въ контръ-революцію вашего друга, г-на Струве, и когда? Господинъ Струве былъ контръ-революціонеромъ въ 1894-мъ году, когда дѣлалъ брентановскія оговорки къ марксизму въ своихъ «Критиче-

скихъ замѣткахъ». И, не смотря на усилія нѣкоторыхъ изъ насъ «толкнуть» его отъ брентанизма къ марксизму, господинъ Струве ушелъ окончательно къ брентанизму. И контръ-революціонныя нотки никогда не исчезали со страницы «Освобожденія» нелегальнаго «Освобожденія». Что же это, случайность? Случайность то, что какъ разъ эпоха «вихря», эпоха революціонной самодѣятельности народа побудила господина Струве создать образцовый органъ революціоннаго брюзжанья «Полярную Звѣзду»?

Кто толкаетъ вообще мелкаго производителя въ товарномъ хозяйствѣ на сторону реакціи и контръ-революціи? Его положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ въ капиталистическомъ обществѣ. Мелкій буржуа неминуемо и неизбѣжно, во всѣхъ странахъ и при всякихъ политическихъ комбинаціяхъ колеблется между революціей и контръ-революціей. Онъ хочетъ освободить себя отъ гнета капитала и укрѣпить свое положеніе, какъ мелкаго собственника. Такова задача посуществу неразрѣшима, и колебанія мелкаго буржуа, по существу самого устройства современнаго общества неизбѣжны и неустранимы. Поэтому только идеологи мелкой буржуазіи и могутъ воображать, что мыслимы такія проявленія революціонной самодѣятельности рабочихъ или возстающихъ противъ помѣщичьяго землевладѣнія крестьянъ, которые бы не толкали извѣстной части буржуазной демократіи въ реакцію. Только рыцари мѣщанства могутъ жалѣть объ этомъ.

Неужели господа Бланки и Изгоевы, (или товарищъ Плехановъ) воображаютъ, напримѣръ, что возможна полная побѣда крестьянскаго возстанія, полное «отобраніе земли» (Плехановкій лозунгъ) у помѣщиковъ безъ вознагражденія, которыя бы не толкнули въ контръ-революцію трехъ пятыхъ кадетской «буржуазной демократіи»? Не начать ли намъ поэтому торговаться съ кадетами о «разумной» крестьянской программѣ, какъ вы думаете, товарищъ Плехановъ? какъ вы полагаете, господа Бланки и Изгоевы?

И теперь финалъ политическихъ разсужденій нашего кадета, если буржуазная демократія въ настоящій моментъ противъ вооруженнаго возстанія, то о немъ не можетъ и не должно быть и рѣчи.

Въ этихъ словахъ выражены вся суть и весь смыслъ кадетской политики: подчинить пролетаріатъ кадетамъ, взять его на буксиръ въ основномъ вопросѣ его политическаго поведенія и его политической борьбы. На это нечего закрывать себѣ глазъ. Господинъ

Бланкъ отводитъ глаза довольно умѣло: онъ говоритъ не о кадетахъ, а о буржуазной демократіи вообще. Онъ говоритъ о «настоящемъ моментѣ», а не о возстаніи вообще. Но только ребенокъ могъ бы заблуждаться насчетъ того, что это именно отводъ глазъ и что истинный смыслъ Бланковскаго вывода есть именно указанный нами мы показали уже на рядѣ примѣровъ, что господинъ Бланкъ (какъ и всѣ кадеты) систематически игнорируетъ болѣе лѣвую буржуазную демократію, чѣмъ кадетскую, что онъ сообразно всей своей позиціи защитника конституціонныхъ иллюзій отождествляетъ кадетовъ съ буржуазной демократіей, игнорируетъ революціонную буржуазную демократію. Намъ остается только показать, что кадеты вообще противъ вооруженнаго возстанія, а не только противъ неудачнаго выбора «момента» (то и другое удивительно часто смѣшиваютъ, и кадетамъ особенно выгодно это смѣшивать, прикрывать свое отрицаніе возстанія разсужденіями о моментѣ его). Показать это нѣтъ ничего легче: достаточно сослаться на нелегальное «Освобожденіе», гдѣ господинъ Струве весной и лѣтомъ 1905-го года, послѣ 9-го января и до 9-го октября, ратовалъ противъ вооруженнаго возстанія, доказывая, что проповѣдь его «безумна и преступна». Событія достаточно опровергли этого контръ-революціонера. Событія показали, что только предвидѣнное марксистами и выставленное ими, какъ лозунгъ, сочетаніе всеобщей стачки съ вооруженнымъ возстаніемъ и завоевали Россіи признаніе свободы и начатки конституціонализма. Только совершенно единичные, не имѣющіе сторонниковъ въ Россіи, соціальдемократы (въ родѣ Плеханова) малодушно говорили о декабрьскомъ возстаніи: «не нужно было браться за оружіе». Напротивъ, громадное большинство с.-д. согласны въ томъ, что возстаніе было необходимымъ отпоромъ отнятію свободъ, что оно подняло все движеніе на высшую степень и доказало возможность борьбы съ войскомъ. Послѣднее обстоятельство призналъ и такой безпристрастный, не увлекающійся и осторожный свидѣтель, какъ Каутскій.

Посмотрите-же теперь, къ чему сводится мораль господъ Бланковъ: пролетаріатъ не долженъ думать о возстаніи, если кадетская партія (которая никогда не была революціонной) не сочувствуетъ возстанію (хотя она и въ данный и во всѣ иные моменты противъ возстанія. Нѣтъ, господинъ Бланкъ! Пролетаріатъ непремѣнно будетъ считаться съ буржуазной демократіей и въ вопросѣ о возстаніи вообще и въ вопросѣ о моментѣ возстанія въ особенности, — но

только именно *не* съ кадетской, *а* съ революціонной буржуазной демократіей; — не съ либерально-монархическими, а съ революціонно-республиканскими теченіями и партіями; — не съ удовлетворящимися игрушечнымъ парламентомъ говорунами, а съ крестьянской массой (тоже буржуазная демократія), которая инымъ образомъ опредѣляетъ свое отношеніе къ возстанію, чѣмъ кадеты.

«Кадеты — противъ возстанія». Да они никогда не были и никогда не могутъ быть за него. Они боятся его. Они наивно воображаютъ, что отъ ихъ желанія — отъ желанія промежуточныхъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ самой острой и непосредственной борьбы элементовъ — зависитъ рѣшеніе вопроса о возстаніи. Какое заблужденіе! Самодержавіе готовится къ гражданской войнѣ и готовитъ ее именно теперь особенно систематически. Въ связи съ Думой зрѣетъ новый, гораздо болѣе широкій и глубокій, политическій кризисъ. И крестьянская масса и пролетаріатъ сохраняютъ еще въ своихъ нѣдрахъ массу боевыхъ элементовъ, которые безповоротно требуютъ народной свободы, а не сдѣлокъ, урѣзывающихъ народную свободу. Развѣ отъ воли той или иной партіи зависитъ при такихъ условіяхъ, будетъ или не будетъ возстаніе?

Подобно тому, какъ западноевропейскій мѣщанинъ наканунѣ соціалистической революціи мечтаетъ о притупленіи классовыхъ противорѣчій буржуазіи и пролетаріата, призываетъ послѣдній не толкать въ реакцію представителей первой, высказывается за соціальный миръ и съ чувствомъ глубокаго нравственнаго негодованія отвергаетъ ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и пр. идею катастрофы, — подобно этому русскій мѣщанинъ на полъ-дорогѣ нашей буржуазно-демократической революціи мечтаетъ о притупленіи противорѣчія между самодержавіемъ и народной свободой, призываетъ революціонеровъ т. е. всѣхъ рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ сторонниковъ этой послѣдней не толкать въ реакцію либеральной буржуазіи, высказывается за конституціонный путь и съ чувствомъ истиннаго, философскимъ идеализмомъ подкрѣпленнаго негодованія отвергаетъ ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и проч. идею возстанія. Западноевропейскому мѣщанину сознательный рабочій говоритъ: катастрофа будетъ зависѣть не отъ промежуточныхъ элементовъ, а отъ обостренія крайностей. Русскому мѣщанину (а кадетъ есть идеальный мѣщанинъ въ политикѣ) сознательный рабочій говоритъ: возстаніе зависитъ не отъ воли ли-

бераловъ, а отъ дѣйствій самодержавія и отъ роста сознанія и негодованія въ революціонномъ крестьянствѣ и пролетаріатѣ. Западноевропейскіе мѣщане говорятъ пролетаріату: не отталкивай отъ себя мелкаго крестьянина и вообще мелкой буржуазіи, просвѣщенной, соціаль-либеральной, реформаторской, не изолируй себя, это только реакція хочетъ изолировать тебя. Пролетарій отвѣчаетъ: отъ соглашателей буржуазіи съ пролетаріатомъ я долженъ изолировать себя въ интересахъ всего трудящагося человѣчества, ибо эти соглашатели совѣтуютъ мнѣ разоружиться, ибо они оказываютъ самое вредное, немедленно и практически вредное вліяніе на сознаніе угнетеннаго класса своей проповѣдью соглашенія, притупленія и т. д. Но отъ всей той громадной массы мелкихъ буржуа, трудящейся массы, которая способна встать на точку зрѣнія пролетаріата, не мечтать о соглашеніи, не увлекаться укрѣпленіемъ мелкаго хозяйства въ капиталистическомъ обществѣ, не отказываться отъ борьбы противъ самого капиталистическаго строя, отъ этой массы я себя не изолирую.

Въ другой обстановкѣ, въ иной историческій періодъ, въ канунъ (и даже не въ канунъ, а по срединѣ) буржуазно-демократической, а не соціалистической революціи, аналогичное происходитъ и въ Россіи. Мѣщанинъ говоритъ пролетарію: реакція хочетъ изолировать тебя, ты долженъ изолировать реакцію, не отталкивай-же отъ себя кадета, просвѣщеннаго, политически-либеральнаго, желающаго реформъ кадета. Пролетарій отвѣчаетъ: отъ соглашателей самодержавія съ народнымъ представительствомъ я долженъ изолировать себя въ интересахъ дѣйствительной борьбы за дѣйствительную свободу, ибо эти соглашатели совѣтуютъ намъ разоружиться, они затемняютъ гражданское сознаніе народа своей проповѣдью «политическаго мира» и конституціонныхъ иллюзій. Но эти соглашатели, всѣ эти кадеты вовсе не народъ, вовсе не масса, вовсе не сила, какъ кажется поддающимся настроенію минуты и впечатлѣніямъ минуты людямъ, кричащимъ нынѣ объ опасности изолированности пролетаріата. Дѣйствительная масса, это — революціонное крестьянство, это настоящая бѣднота городского населенія. И отъ этой массы я не изолирую себя, ее я зову къ освобожденію себя отъ конституціонныхъ иллюзій, зову къ настоящей борьбѣ, зову къ возстанію. Съ настроеніемъ и ходомъ развитія сознанія этой массы (отнюдь не кадетскихъ соглашателей) я буду считаться самымъ серьезнымъ образомъ при опредѣленіи момента

возстанія, но ради успѣха минуты, ради мишурнаго блеска кадетскаго парламентаризма (или дубасовскаго парламентаризма, вѣрнѣе, пожалуй, будетъ сказать) я не забуду ни на минуту о назрѣвающей очень быстро, о предстоящей вѣроятно въ недалекомъ будущемъ революціонной борьбѣ съ самодержавіемъ.

Было время недавно, — въ Европѣ блисталъ, шумѣлъ, навязывалъ свои союзы и соглашенія пролетаріату соціалъ-либералъ, мелкій буржуа-соглашатель. Интеллигентское крыло соціальдемократическихъ партій поддалось на удочку, прельстилось политикой минуты, создало пресловутую бернштеніаду и т. п. Прошелъ годъ — другой, туманъ «соціальнаго мира» разсѣялся окончательно, и правильность позиціи послѣдовательно стоявшаго на пролетарской точкѣ зрѣнія революціоннаго крыла соціальдемократіи выяснилась вполнѣ.

У насъ теперь въ Россіи всѣмъ кружатъ головы кадетскія побѣды и будущая кадетская Дума. Есть опасность, что интеллигентское крыло нашей партіи увлечется этимъ блескомъ, увлечется избирательными блоками съ к.-д., идеей поддержки ихъ, политикой «тактичнаго отношенія» къ кадетамъ, не захочетъ ясно и отчетливо опредѣлить съ пролетарской точки зрѣнія мелкобуржуазной классовой природы этой партіи, вреда ея конституціонныхъ иллюзій, злободневной опасности ея тактики «соглашенія». Пройдутъ — даже не годы, а можетъ быть мѣсяцы, и туманъ разсѣется, взгляды революціонной соціальдемократіи подтвердитъ дѣйствительность, страницы кадетскихъ газетъ и журналовъ перестанутъ пестрѣть обидными для пролетаріата, свидѣтельствующими о нѣкоей болѣзни внутри соціальдемократіи хвалами по адресу нѣкоторыхъ соціальдемократовъ.

VI.

Говоря о взглядахъ господина Бланка, этого типичнѣйшаго выразителя кадетской политики, мы не касались почти совершенно взглядовъ товарищей-меньшевиковъ. Но выводы относительно ихъ позиціи вытекаютъ изъ сказаннаго сами сообою. Усердныя хвалы, расточаемыя имъ кадетами, уже намекаютъ на нѣкоторую ошибку, которую они дѣлаютъ. Кадетская печать — чуть-ли не девять десятыхъ всей политической печати Россіи въ настоящее время, и если вся эта буржуазная печать начинаетъ хвалить, систематически и постоянно, сегодня Плеханова, завтра Потресова (Наша Жизнь), послѣ завтра резолюцію всѣхъ меньшевиковъ, — это уже вѣрный, хотя разумѣется, косвенный признакъ того, что товарищи-меньшевики дѣлаютъ или собираются сдѣлать нѣкоторую ошибку. Не можетъ быть, чтобы общественное мнѣніе всей буржуазной печати рѣзко расходилось съ классовымъ инстинктомъ буржуазіи, которая очень чутка къ тому, куда вѣтеръ дуетъ.

Но, повторяемъ, это лишь косвенный признакъ. Предъидущее изложеніе приводитъ и къ прямой формулировкѣ тѣхъ ошибокъ, которыя намѣчаются въ проектахъ меньшевистскихъ резолюцій. Здѣсь не мѣсто разбирать подробно эти резолюціи, — мы можемъ отмѣтить лишь вкратцѣ самое главное въ связи съ вопросомъ о «побѣдахъ кадетовъ и задачахъ рабочей партіи».

Ошибка меньшевиковъ — та, что они не формулируютъ вовсе, они повидимому даже забываютъ вовсе такую существенную политическую задачу сознательнаго соціальдемократическаго пролетаріата въ данный моментъ, какъ борьбу съ конституціонными иллюзіями. Соціалистическій пролетаріатъ, строго соблюдающій классовую точку зрѣнія, неуклонно примѣняющій матеріалистическое пониманіе исторіи къ оцѣнкѣ современности, враждебный всякимъ мелкобуржуазнымъ софизмамъ и обманамъ, не можетъ въ такое время, какое переживается теперь Россіей, игнорировать этой задачи. Игнорируя ее, онъ перестанетъ быть передовымъ борцомъ за всю народную свободу, борцомъ, стоящимъ выше буржуазно-демо-

кратической ограниченности. Игнорируя ее, онъ будетъ безпомощно плестись въ хвостѣ событій, которыя дѣлаютъ теперь именно эти конституціонныя иллюзіи такимъ-же орудіемъ буржуазнаго развращенія пролетаріата, какъ теорія «соціальнаго мира» была недавно въ Европѣ главнымъ орудіемъ буржуазнаго отвлеченія рабочихъ отъ соціализма.

Конституціонныя иллюзіи, это—цѣлый періодъ русской революціи, естественно наступившій послѣ подавленія п е р в а г о вооруженнаго возстанія (за нимъ послѣдуетъ еще второе) и послѣ выборныхъ побѣдъ кадетовъ. Конституціонныя иллюзіи, это политически-оппортунистическій и буржуазный ядъ, который теперь милліоны экземпляровъ кадетской печати вливаютъ въ народные мозги, пользуясь вынужденнымъ молчаніемъ соціалистическихъ газетъ. Вотъ передъ нами газета «Товарищъ», органъ кадетовъ, идущихъ въ «народъ» и спеціально въ рабочій классъ. Въ первомъ номерѣ поется диѳирамбъ кадетамъ. «Въ программѣ своей она (партія к.-д.) обѣщаетъ (. . . гм! гм! обѣ-ща-етъ!) . . . защищать интересы крестьянъ (по Кауфмановски?) и рабочихъ (ну, конечно!) и политическія права всѣхъ русскихъ гражданъ безъ различія. Если она получитъ большинство голосовъ въ Гос. Думѣ, то нынѣшнее правительство, причинившее столько зла народу, должно будетъ уйти, и государствомъ будутъ управлять новые люди (Муравьевы вмѣсто Витте?), которые б у д у т ъ с л у ш а т ь с я г о л о с а н а р о д а». Да, да... Слушаться голоса народа!.. Красиво пишутъ кадеты!

Мы увѣрены, что не найдется ни одного соціалиста, который бы не былъ возмущенъ этой безпардонной буржуазной ложью, который бы не признавалъ всецѣло и безусловно необходимости самой энергичной борьбы противъ этого буржуазнаго развращенія рабочаго класса,—развращенія тѣмъ болѣе опаснаго, что у кадетовъ бездна газетъ въ рукахъ, а у насъ, несмотря на безконечный рядъ попытокъ наладить самую умѣренную, самую воздержаную и самую скромную соціалистическую газету, нѣтъ ни одной.

И далѣе. Нельзя не согласиться, что эта буржуазная ложь, это затемнѣніе революціоннаго сознанія народа имѣетъ характеръ совсѣмъ не случайныхъ выходокъ, а цѣлаго похода. Болѣе того. Кадетская Дума (если Дума будетъ кадетской) является, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ конституціонныхъ иллюзій, очагомъ ихъ, фокусомъ всѣхъ тѣхъ сторонъ политической жизни, которыя наиболѣе бросаются въ глаза (и которыя поверхностному, идеалисти-

ческому взгляду мелкаго буржуа кажутся сущностью или хотя бы главнымъ явленіемъ современной политической жизни). Передъ нами не только систематическій походъ всей буржуазной прессы, всѣхъ буржуазныхъ идеологовъ, стремящихся взять на буксиръ пролетаріатъ, — передъ нами всероссійское представительное учрежденіе, обладающее всѣмъ ореоломъ перваго, извините за выраженіе, «парламента» и долженствующее закрѣпить это превращеніе рабочаго класса въ придатокъ партіи кадетовъ. Вспомните вышеприведенное мнѣніе «сферъ»: хорошо де было бы, еслибы кадеты въ Думѣ вызвали довѣріе общества къ Думѣ и сосредоточили всѣ общественныя надежды на Думѣ. Дума должна быть оттяжнымъ пластыремъ отъ революціи,—въ этомъ, въ сущности, сходятся наши кадеты съ Дурново и Дубасовыми. Это фактъ. «Полярная Звѣзда» особенно наглядно показала это. Лучше планомѣрныя и систематическія реформы чѣмъ революціонный вихрь, въ которомъ исчезаютъ мысль и разумъ,— говорятъ Бланки. Лучше торговаться въ Думѣ съ кадетами, чѣмъ драться съ ненадежнымъ войскомъ противъ рабочихъ и крестьянъ, говорятъ Дурново и Дубасовы. Les beaux esprits se rencontrent. Рыбакъ рыбака видитъ издалека.

Про насъ все говорятъ, что мы клевещемъ на либераловъ. Насъ называли клеветниками, когда мы еще въ Зарѣ и старой Искрѣ встрѣтили первые номера Освобожденія «въ штыки». Клеветы оказались марксистскимъ анализомъ буржуазной идеологіи, который всецѣло подтвержденъ дѣйствительностью. Мы не удивимся поэтому и не опечалимся, если насъ обвинятъ теперь въ оклеветаніи партіи «народной свободы».

Каждая политическая эпоха выдвигаетъ передъ соціальдемократіей, какъ представительницей единственнаго до конца революціоннаго класса, особую специфическую задачу, которая становится на очередь дня и которая всегда затемняется, такъ или иначе отодвигается на задній планъ оппортунистическими слоями буржуазной демократіи. Въ настоящее время такой специфической политической задачей момента, которую можетъ выполнить только революціонная соціальдемократія и которую она обязана выполнить, если не хочетъ измѣнить прочимъ, кореннымъ, существеннымъ интересамъ пролетаріата, — такой задачей является борьба съ конституціонными иллюзіями. Мелкобуржуазные оппортунисты всегда удовлетворяются минутой, блескомъ послѣдней новинки, минутой «прогресса», — мы должны смотрѣть дальше и глубже, показывать въ

этомъ прогрессѣ сейчасъ же и немедленно тѣ стороны его, которыя являются основой и залогомъ регресса, которыя выражаютъ односторонность, узость, непрочность достигнутаго и вызываютъ необходимость дальнѣйшей борьбы въ иныхъ формахъ, при иныхъ условіяхъ.

Чѣмъ рѣшительнѣе побѣда кадетовъ и оппозиціи вообще на выборахъ, чѣмъ вѣроятнѣе и ближе кадетская Дума, — тѣмъ опаснѣе становятся конституціонныя иллюзіи, тѣмъ острѣе чувствуется противорѣчіе между полнымъ сохраненіемъ и даже усиленіемъ реакціонной политики по прежнему держащаго всю власть въ рукахъ самодержавія и «народнымъ» представительствомъ. Противорѣчіе это съ громадной быстротой создаетъ новый революціонный кризисъ, неизмѣримо болѣе широкій и глубокій, болѣе сознательный и острый, чѣмъ всѣ предыдущіе. Мы переживаемъ въ 1906 году, по истинѣ, репродукцію революціи, по удачному выраженію какого-то соціальдемократа. Исторія 1905 года какъ бы повторяется, начиная опять съ начала, съ полновластнаго самодержавія, продолжая общественнымъ возбужденіемъ и оппозиціоннымъ движеніемъ невиданной силы, охватывающимъ всю страну, кончая. ... кто знаетъ чѣмъ?.. можетъ быть, «репродукціей» лѣтней (1905 года) депутаціи къ царю либераловъ въ видѣ адреса или резолюціи кадетской Думы, —можетъ быть, «репродукціей» осенняго подъема 1905 г. Смѣшно было бы пытаться предугадать точныя формы и даты будущихъ шаговъ революціи. Важно имѣть въ виду несравненно большій размахъ движенія, большій политическій опытъ всего народа. Важно не забывать, что грядетъ именно революціонный, отнюдь не парламентскій кризисъ. «Парламентская» борьба въ Думѣ есть небольшой этапъ; это — дѣйствительно маленькая желѣзнодорожная станція: «Кадетская платформа» по дорогѣ отъ конституціи къ революціи. Борьба въ Думѣ не можетъ рѣшить судьбы народной свободы въ силу основныхъ особенностей теперешняго соціально-политическаго момента, она не можетъ быть главной формой борьбы, ибо этого «парламента» завѣдомо не признаютъ обѣ воюющія стороны, ни Дурново, Дубасовы и К°, ни пролетаріатъ и крестьянсвто.

И соціалдемократія должна поэтому, учитывая всѣ конкретныя особенности даннаго историческаго момента, признать рѣшительно и внѣдрить систематически въ умы рабочихъ и сознательныхъ крестьянъ, что главной формой общественнаго движенія въ современ-

ной Россіи остается по прежнему непосредственно-революціонное движеніе широкихъ народныхъ массъ, ломающихъ старые законы, уничтожающихъ органы угнетенія народа, завоевывающихъ политическую власть, творящихъ новое право. Дума, созванная Дубасовыми и Дурново и охраняемая сими почтенными мужами, сыграетъ огромную роль въ движеніи, но ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ лавной формы его. Обратное мнѣніе, теперь уже выдвинутое и распространяемое кадетами, есть обманъ народа, есть мелкобуржуазная филистерская утопія.

А въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о буржуазной демократіи и ея поддержкѣ пролетаріатомъ. И въ этой области резолюціи меньшевиковъ частью недостаточны, частью ошибочны. Кадеты изъ кожи лѣзутъ, стараясь отождествить свою партію съ буржуазной демократіей вообще, стараясь выставить свою партію главной представительницей буржуазной демократіи. Это величайшая ложь. И всякая неясность въ опредѣленіи соціалдемократами понятія «буржуазная демократія» играетъ на руку этой лжи. Конкретную политическую задачу поддержки буржуазной демократіи мы обязаны рѣшить на основаніи вполнѣ опредѣленнаго учета конкретныхъ направленій, теченій, партій внутри буржуазной демократіи. И основная задача момента въ этомъ отношеніи состоитъ именно въ томъ, чтобы отдѣлить революціонную буржуазную демократію то-есть такую, которая, хотя бы она и была не вполнѣ сознательна политически, съ рядомъ предразсудковъ и проч., способна на рѣшительную и безповоротную борьбу противъ всѣхъ остатковъ крѣпостнической Россіи,— отдѣлить такую буржуазную демократію отъ либерально-монархической, оппортунистической буржуазной демократіи, способной на всякіе сдѣлки съ реакціей и выдвигающей въ каждый критическій моментъ свои контръ-революціонныя стремленія. Наличность чрезвычайно широкихъ слоевъ революціонной демократіи въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію: ея неорганизованность, ея безпартійность, ея придавленность теперешними репрессіями можетъ вводить въ заблужденіе лишь самыхъ невнимательныхъ и невдумчивыхъ наблюдателей. Съ этой и только этой демократіей мы должны теперь «врозь идти, вмѣстѣ бить» въ цѣляхъ доведенія до конца демократической революціи, разоблачая самымъ безпощаднымъ образомъ ненадежность «главенствующей» нынѣ кадетской партіи.

И ставя себѣ цѣлью доведеніе до конца демократической революціи, партія соціалистическаго пролетаріата должна не только су-

мѣть разоблачить всегда всякія конституціонныя иллюзіи, не только выдѣлить изъ всей буржуазной демократіи способные на борьбу элементы, но также и опредѣлить точно и прямо, выставить ясно передъ массой условія этой рѣшительной побѣды революціи, показать массѣ и раскрыть во всей своей пропагандѣ и агитаціи, въ чемъ именно должна состоять эта рѣшительная побѣда революціи. Если мы не сдѣлаемъ этого, (а этого не сдѣлали товарищи-меньшевики въ своихъ резолюціяхъ), то наши слова о «доведеніи революціи до конца» останутся пустыми и голыми словами.

Господинъ Бланкъ поминаетъ въ своей статьѣ французскую «соціалдемократію» 1848-9 годовъ. Почтеннѣйшій кадетъ не понимаетъ, что пишетъ каррикатуру на себя. Вѣдь именно кадеты повторяютъ теперь ошибки французскихъ «соціалдемократовъ», которые въ сущности вовсе не были соціалдемократами т. е. марксистами. Они не были классовой партіей рабочихъ, а настоящей мелкобуржуазной партіей; они были насквозь пропитаны конституціонными иллюзіями и вѣрой въ «парламентарскіе» способы борьбы при всякихъ, даже революціонныхъ условіяхъ. Именно поэтому они и потерпѣли, несмотря на рядъ ошеломляющихъ, часто «кадетскихъ» парламентскихъ успѣховъ, то позорное фіаско, которое такъ высмѣивалъ Марксъ.

И нашей партіи, если бы она неосмотрительно пошла на всяческіе избирательные блоки, соглашенія, сдѣлки съ кадетами,—если бы она оставила въ тѣни задачу борьбы съ конституціонными иллюзіями,—еслибы она, ища сближенія съ буржуазной демократіей, отождествила съ этой послѣдней ея оппортунистическое крыло т. е. кадетовъ,—еслибы она забыла о необходимости серьезно готовиться къ внѣ-парламентскимъ способамъ борьбы въ эпоху, подобную переживаемой нами,—и нашей партіи грозила бы серьезная опасность повторить печальную судьбу французской мелкобуржуазной квазисоціалдемократіи 1848—1849 годовъ.

Намъ нѣтъ основанія завидовать успѣхамъ кадетовъ. Мелкобуржуазныя иллюзіи и вѣра въ Думу довольно сильны еще въ народѣ. Онѣ должны быть изжиты. Чѣмъ полнѣе будетъ торжество кадетовъ въ Думѣ, тѣмъ скорѣе онѣ будутъ изжиты. Привѣтствуемъ успѣхи жирондистовъ великой россійской революціи! За ними поднимется болѣе широкая народная масса, выдвинутся болѣе энергичные и революціонные слои, — они сплотятся вокругъ пролетаріата,—они доведутъ до полной побѣды нашу великую буржуазную революцію,—они откроютъ эпоху соціалистическаго переворота на Западѣ.

Н. Ленинъ.

28 марта 1906 г.

*) „Наша Мысль“ въ № отъ 2 апр. сообщаетъ: — „Общее настроеніе кавказскаго населенія даетъ возможность предсказать кадетамъ безусловную побѣду. Соціальдемократія будетъ поддерживать кадетовъ“.

Примѣчаніе издателя.

Содержаніе.

	стр.
I. Какое объективное значеніе имѣло наше участіе въ выборахъ въ Думу?	3
II. Соціально-политическое значеніе первыхъ выборовъ.	13
III. Что такое представляетъ изъ себя партія народной свободы?	17
IV. Роль и значеніе кадетской Думы.	25
V. Образчикъ кадетскаго самодовольства	41
Отступленіе. Общедоступная бесѣда съ кадетскими публицистами и профессорами	43
VI. Заключеніе	73